

Хелен Девитт

Перевод Анастасии Грызуновой

ПОСЛЕДНИЙ САМУРАЙ

Лучшая книга
XXI века по версии
Vulture.com

Шорт-лист Дублинской
литературной премии

Лонг-лист премии
«Оранжевый»

Хелен ДевиТТ

Последний самурай

Издательство "Livebook/Гаятри"

2000

УДК 82-3
ББК 84

Девитт Х.

Последний самурай / Х. Девитт — Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2000

ISBN 978-5-907056-92-3

«Последний самурай» переведен на десятки языков и стал современной классикой. Экспериментальный роман, в котором впервые появились многие литературные приемы, полюбившиеся современным прозаикам. История, покорившая интеллектуалов и ставшая культовой. Сибилла – мать-одиночка с крайне своеобразным подходом к воспитанию сына, Людо: в три года он с ее помощью учится читать, а в четыре изучает греческий язык, и вот уже он штудирует Гомера в вагоне лондонской подземки, интересуется высшей математикой и аэродинамикой. Ребенку, растущему без отца, необходим какой-нибудь образец мужского пола для подражания, а лучше сразу несколько, – и вот Людо раз за разом пересматривает «Семь самураев», примеряя эпизоды шедевра Куросавы к собственной жизни. Людо бесконечно учится и... хочет знать, кто же его отец. Вся его семья – гении, которые не смогли реализоваться. Но что если отец, которого мать так тщательно скрывает, поможет ему?

УДК 82-3

ББК 84

ISBN 978-5-907056-92-3

© Девитт Х., 2000
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2000

Содержание

Благодарности	6
Пролог	8
I	13
1	14
Интерлюдия	48
II	55
1	56
2	65
3	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Хелен Девитт
Последний самурай

Посвящается Энн Коттон

Благодарности

В 1991 году Энн Коттон приехала в школу деревни Мола в глухом районе Зимбабве – собиралась изучать женское образование. Там она познакомилась с двумя девочками, которые приходили в эту школу за сто километров, одни. Пансиона в школе не было, и они жили в хижине, которую сами же и построили. Считали, что им еще повезло, – обычно девочки в средней школе не учились, за это надо было платить; они бросали учебу и выходили замуж в двенадцать лет, в тринадцать. Энн вернулась в Великобританию и начала собирать деньги на их образование – торговала пирожными на Кембриджском рынке. В 1993-м основала Кембриджский фонд женского образования. Уговорила «Боди шоп» спонсировать общежитие в Моле. Уломала другие организации спонсировать другие школы – сначала в Зимбабве, затем в Гане. Убедила меня войти в правление; я бы не дописала эту книгу, если б всякий раз, когда я обещала что-нибудь сделать для Фонда, едва допишу, Энн Коттон не отвечала: «Ну конечно». Вся информацию о Кембриджском фонде женского образования можно получить по адресу СВЗ 9НН, Кембридж, Ньюнэм, Вордсворт-гроув, 25, и на веб-сайте www.camfed.org.

Благодаря профессору Дэвиду Левину эта книга стала гораздо интереснее, а ошибок в ней неисчислимо меньше; невозможно выразить, сколь многим я обязана ему за неизменное великодушие. И не могу описать, как я благодарна своей матери Мэри Девитт Гриффин – не только за моральную и финансовую поддержку, но за то, что многие годы она делилась со мной своими замечательными талантами. Тим Шмидт, Мод Чилтон и Стив Хутенски – бесподобные друзья; они знают, как я им признательна.

За свежий взгляд и внимание к деталям, когда и то и другое было необходимо позарез, спасибо Элисон Сэмюэл из «Чатто и Уиндус». Я благодарна Мартину Лэму, автору «Кандзи для начинающих», за то, что посоветовал мне программу Nisus, а также Нилу и Фусе Маклинн за огромную помощь с японским; спасибо Леонарду Гэмбергу за то, что взглянул на атом, Крису Дану – за то, что в первой версии проверил астрономию, Джеймсу Кейлеру – за любезный ответ на вопрос, в последнюю минуту возникший по прочтении «Звезд и их спектров», и Иэну Разерфорду за то, что нашел греческий шрифт, когда все сроки уже прошли. Все они, разумеется, не несут ответственности за ошибки, оставшиеся в тексте. Я особенно признательна множеству людей, которые помогли мне понять шедевр Акиры Куросавы; без них эта книга была бы совсем иной.

Без энтузиазма Джонатана Бёрнэма из «Ток Мирамекс Букс» рукопись не стала бы книгой; глубина моей благодарности говорит сама за себя.

Я хочу поблагодарить правообладателей за разрешение использовать материалы из следующих источников: «Биографический словарь кино» Дэвида Томсона; «Эскимосская книга знаний» Джорджа Бинни (*Hudson's Bay Company*); «Учение о гармонии» Арнольда Шёнберга, пер. Роя Э. Картера (англ. издание – @ 1983 *Faber and Faber Ltd*); интервью Джона Денвера (*Melody Maker*, 3 марта 1976 г., с. 11, © *Chris Charlesworth / Melody Maker / IPC Syndication*); «Принципы аэродинамики: основы аэродинамического конструирования» Арнольда М. Кейти и Цзюэнь-Яня Чоу, 1986 (*John W. Wiley & Sons, Inc.*); «На глубине полмили» Уильяма Биби (*Bodley Head*); «Фильмы Акиры Куросавы» Дональда Ричи (*University of California Press*), © 1984 *The Regents of the University of California*; «Твердое тело» Х. М. Розенберга (© 1988 *Oxford University Press*), *Oxford University Press*; «Еврейская грамматика» Гезениуса, испр. и доп., ред. Э. Кауч, 2-е англ. издание А. Э. Каули (1910), *Oxford University Press*; «Сага о Ньяле» (выдержки со с. 244–246), пер. Магнуса Магнуссона и Херманна Палссона (Лондон, 1960) @ 1960 *Magnus Magnusson and Hermann Pálsson*, цитируется с разрешения *Penguin Books Ltd*. Я хотела бы

поблагодарить *Kurosawa Production K. K.* за позволение цитировать сценарий «Семи самураев» (七人の侍).

Пролог

Отец моего отца был методистский священник. Высокий, красивый, благородный; с роскошным басом. Мой отец был рьяный атеист и поклонник Кларенса Дэрроу¹. Другие мальчики пропускали уроки, а он перепрыгивал целые классы, читал дедовой пастве лекции об углероде-14 и происхождении видов и в 15 лет получил полную гарвардскую стипендию.

Принес деду письмо из Гарварда.

Что-то глянуло из прекрасных дедовых глаз. Что-то сказало его роскошным басом: По справедливости, надо бы дать противнику шанс.

В каком смысле? спросил мой отец.

А смысл был такой: не надо отвергать Бога ради атеизма лишь потому, что умеешь переспорить необразованных. Пускай отец пойдет в духовную семинарию, даст шанс противнику; к концу учебы ему будет всего 19 – самое время пойти в колледж, если не передумает.

Отец, атеист и дарвинист, был человеком чуткой чести и воспротивиться не смог. Разослал заявления в семинарии, и все, кроме трех, его завернули – слишком мал. Три позвали на собеседование.

У первой была блестящая репутация, и поскольку отец был так юн, беседовал с ним ректор.

Он сказал: Вы очень молоды. Вы, наверное, хотите стать священником, потому что равняетесь на отца?

Отец сказал, что не хочет стать священником, но хочет дать противнику шанс, и объяснил про углерод-14.

Ректор сказал: священничество – это призвание, и наша программа задумана для тех, кто полагает, что призван. Очень сомневаюсь, что она пойдет на пользу вам.

Он сказал: Приглашение из Гарварда – замечательная возможность. Может, взять там курс теологии и дать противнику шанс вот таким образом? В конце концов, если не ошибаюсь, Гарвард начинался с богословского факультета – надо думать, богословие там до сих пор преподают.

Ректор любезно улыбнулся и предложил, если отец сочтет, что противнику нужны и другие шансы, составить список подходящей литературы. Отец поехал домой (жили они тогда в Су-Сити) и всю дорогу думал, что так противник, наверное, свои шансы получит.

Он поговорил с отцом. Прозвучал такой довод: курс теологии в сугубо светской обстановке вряд ли произведет надлежащее впечатление, но пускай мой отец решает сам.

Отец поехал во вторую семинарию, с хорошей репутацией. Беседовал с ним декан.

Декан спросил, почему отец хочет стать священником, и отец объяснил, что не хочет стать священником, а потом про углерод-14.

Декан сказал, что уважает стремления моего отца, однако они отдают капризом, а затем отметил, что мой отец очень юн. Посоветовал сначала пойти в Гарвард, а потом, если отец не расхочет давать противнику шанс, декан с удовольствием рассмотрит его заявление.

Мой отец пришел к своему отцу. Роскошный бас отвечал, что выпускник с гарвардским дипломом вряд ли устоит перед соблазном немедленно начать карьеру, но пускай мой отец, конечно, решает сам.

¹ Кларенс Сьюард Дэрроу (1857–1938) – американский юрист, один из лидеров Американского союза гражданских свобод, знаменитый правозащитник, остроумец и агностик. – Здесь и далее прим. переводчика. Переводчик благодарит за поддержку Артема Бриня, Бориса Грызунова, Александра Гузмана, Николая Караева, Сергея Максименко, Александру Молчанову и Анну Школьщик.

Мой отец поехал в третью семинарию, мелкую и заштатную. Беседовал с ним заместитель декана. Стояла жара, и хотя на замдекана дул маленький вентилятор, багровый толстяк ужасно потел. Замдекана спросил, почему мой отец хочет стать священником, и тот объяснил про шанс противнику и про углерод-14.

Замдекана сказал, что церковь оплачивает обучение семинаристам, которые хотят стать священниками. А поскольку мой отец священником стать не хочет, пускай платит \$ 1500 в год.

Мой отец вернулся к деду, и тот сказал, что мой отец, наверное, сможет заработать \$ 750 летом на бензоколонке, а он, дед, добавит недостающее.

И мой отец пошел в семинарию. Говоря, что он пошел в семинарию, я имею в виду, что он поступил в семинарию + по субботам из любопытства ходил в синагогу, поскольку правилами это не запрещалось, а почти все остальное время играл в пул «У Хелены», в единственном баре города, где соглашались обслужить 16-летнего.

Он ждал, что дед спросит, каково ему в семинарии, но дед так и не спросил.

В синагоге мой отец познакомился с человеком десятью годами старше – тот вел службы и почти всегда выходил читать. Вылитый Бадди Холли – люди так его и звали, Бадди (ему нравилось больше, чем Вернер). Мой отец сначала решил, что это раввин, но городок был мелкий, на раввина средств не имел, а службы вели местные добровольцы. Бадди мечтал петь в опере, но его отец заставил его выучиться на бухгалтера, и Бадди приехал из Филадельфии работать бухгалтером. Он тоже целыми днями гонял шары «У Хелены».

К концу третьего курса мой отец великолепно наловчился гонять шары. С выигрышей скопил где-то \$ 500, а играл небрежно, чтоб не выигрывать часто и помногу. Всех завсегдатаев он обыгрывал, но однажды вечером в бар вошел чужак.

Так получилось, что чужак сначала сыграл со всеми остальными. Он бил плавно, двигался экономно, и было ясно, что с игроком такого класса мой отец еще не сталкивался. Отец хотел с ним сыграть; Бадди отговаривал. Бадди казалось, с чужаком что-то не то; либо выиграет больше, чем мой отец может проиграть, либо проиграет и вытащит пушку. Мой отец сказал, что это какой-то бред, но тут чужак склонился над столом, куртка у него задралась, и они увидели пистолет на поясе.

Игра закончилась, отец подошел. Он сказал: Мой друг говорит, ты опасен.

Чужак сказал: Со мной бывает.

Мой отец сказал, широко ухмыляясь: Он говорит, ты меня убьешь, если выиграю.

Чужак сказал: А ты считаешь, что выиграешь?

Мой отец сказал: Мы оба знаем, как это выяснить.

Чужак сказал: Ты кто таков будешь?

Мой отец сказал, что учился в семинарии.

Чужак удивился, что семинарист ошивается в баре.

Все мы грешники, брат, сказал мой отец весьма издевательским тоном.

Чужак и мой отец сыграли, из рук в руки перешла пятерка.

Чужак спросил: Отыгрываться будешь?

Они снова сыграли, на сей раз подольше. Мой отец по-прежнему играл небрежно; он, естественно, молчал, когда бил чужак, а когда наступал его черед, отвечал на вопросы чужака издевательскими байками про семинарию. Чужак был немногословен, но, судя по всему, забавлялся. В итоге отцу подфартило, он ударил, выиграл, и из рук в руки перешла пятерка.

Чужак сказал: А теперь давай разнообразим.

Мой отец сказал: Какого ты хочешь разнообразия?

Чужак спросил, сколько денег у отца за душой, и Бадди Холли за спиной одними губами зашептал НЕТ НЕТ Не говори ему идиот, а мой отец сказал, что у него \$ 500.

Чужак сказал, что против \$ 500 поставит сколько угодно. Шутка это была или нет, отец не понял.

Он сказал: Стольник. Пять раундов.

Чужак сказал, что тогда хочет посмотреть на отцовы деньги, ему пора ехать, и торчать здесь ради столтника он не намерен. 5 к 1, сказал он.

У отца при себе было \$ 25. Еще \$ 25 он одолжил у Бадди, а остальные добрал десятками и пятерками у завсегдатаев бара, которые понимали, что он их не кинет.

Они сыграли два раунда, и чужак выиграл оба с легкостью. В третьем раунде чужак начал было выигрывать с легкостью, но тут к отцу вернулась удача, он собрался и выиграл. Четвертый раунд он тоже выиграл, хотя битва была тяжела, а потом он выиграл и пятый раунд, и в баре стало тихо. Другие завсегдатаи тоже видели пистолет.

Чужак сунул руку под куртку, и все замерли. Он вытащил бумажник. Из толстой пачки вынул пять 100-долларовых купюр.

Он сказал: У тебя, небось, не бывало таких деньжищ за раз.

Мой отец заметил, что \$ 500 у него уже есть.

Чужак сказал: \$ 1000! Куча денег.

Он сказал: Смотреть тошно на человека при деньгах, который не знает, куда их деть.

Мой отец спросил: В каком смысле?

Чужак сказал, когда узнаешь что-нибудь чуть раньше остальных, можно подзаработать, коли деньжата водятся.

Мой отец сказал: Что ты такого знаешь?

Чужак сказал, что не удивится, если тут проложат новое шоссе.

Отец сказал: Если знаешь точно, что ж сам не подсуетишься? Домик себе прикупи.

Чужак сказал: Не люблю собственность. Руки связывает. Но если б не был против собственности, да еще бы \$ 1000 раздобыл, уж я бы знал, куда деньги деть.

Бар закрылся, и чужак уехал. Так случилось, что миссис Рэндольф, домовладелица Бадди, хотела продать дом и переехать во Флориду, но никто не покупал. Мой отец заметил, что если чужак сказал правду, можно этот дом купить, перестроить в мотель и заработать кучу денег.

Если, сказал Бадди.

Вообще-то оба они были убеждены, что чужак знал, о чем толкует; пистолет добавлял его байке таинственного весу.

Мой отец сказал, что у него нет времени: как окончит семинарию, пойдет в Гарвард. Он уже туда написал, что согласен на то их приглашение.

Прошло несколько недель. Из Гарварда пришло письмо: так и так, нам бы хотелось посмотреть, чем вы занимались последние годы; попросили глянуть отцовы оценки и рекомендацию. Отец все отправил, миновала еще пара месяцев. В один прекрасный день пришло письмо, которое, наверное, трудно было писать. В нем говорилось, что Гарвард готов принять отца на основании его прошлых оценок, а затем разъяснялось, что стипендии, однако, присуждаются по заслугам, и не очень справедливо по отношению к другим студентам дать стипендию человеку, у которого средний балл – «удовлетворительно». И что, если отец решит поступать, ему, как и всем, придется платить за образование.

На Пасху отец поехал домой в Су-Сити. Бадди отбыл в Филадельфию праздновать Песах. Мой отец принес своему отцу письмо из Гарварда.

Дед поглядел на письмо и сказал, что, похоже, воля Божья не велит моему отцу поступать в Гарвард.

Четыре года назад пред моим отцом распахивалось блестящее будущее. Теперь ему светила жизнь третьесортного выпускника заштатной семинарии – решительно бесполезная специальность для человека, неспособного стать священником.

Отец от негодования онемел. Ни слова не сказав, вышел из дому. Сел в «шевроле» и проехал 1300 миль.

В последующие годы мой отец играл порой в игру. По дороге в Мексику знакомился с кем-нибудь и говорил: Вот тебе пятьдесят баксов, сделай одолжение, купи мне лотерейных билетов, – и давал человеку визитку. Скажем, шансы против джекпота – 20 миллионов к 1, шансы против того, что человек отдаст моему отцу выигрышный билет, – еще 20 миллионов к 1, и нельзя сказать, что жизнь моего отца полетела под откос, потому что был 1 шанс к 400 триллионам, что она туда не полетела.

Или отец знакомился с человеком по пути в Европу и говорил: Вот тебе пятьдесят баксов, если заедешь в Монте-Карло, сделай одолжение, сходи к рулетке и поставь их на 17, и пусть лежат 17 заходов, а человек говорил, что в Монте-Карло не собирается, а отец говорил: Но вдруг соберетесь, – и давал ему визитку. Потому что каковы шансы, что человек передумает и поедет в Монте-Карло, каковы шансы, что 17 выпадет 17 раз подряд, каковы шансы, что человек пришлет моему отцу деньги? Каковы бы ни были шансы, это не совсем невозможно, всего лишь крайне маловероятно, и не было абсолютной уверенности в том, что мой дед погубил моего отца, потому что был 1 из 500 триллионов триллионов триллионов шансов, что дед его не погубил.

Мой отец долго играл в эту игру, потому что считал, что надо дать деду шанс. Не знаю, когда сыграл в последний раз, но первый – когда, не сказав ни слова, вышел из дому и поехал за 1300 миль в Филадельфию к Бадди.

Мой отец бросил машину у Бадди перед домом. В гостиной громко и зло колотили по клавишам пианино. Хлопали двери. Люди громко разговаривали. Кто-то заорал. Пианино умолкло. Кто-то взялся играть на пианино, громко и зло.

Мой отец разыскал Бадди, и тот объяснил, что происходит.

Бадди мечтал петь в опере и работал бухгалтером. Его брат мечтал играть на кларнете и работал в отцовской ювелирной лавке. Его сестра Фрида мечтала играть на скрипке и работала секретаршей, а потом вышла замуж и родила троих. Его сестра Барбара мечтала играть на скрипке и работала секретаршей, а потом вышла замуж и родила двоих. Его самая младшая сестра Линда мечтала петь и решительно отказалась учиться на секретаршу, а отец решительно отказался оплачивать ее занятия музыкой. Линда села за пианино и заиграла шопеновскую прелюдию № 24 ре-минор – злую пьесу, которая после сорока повторов лишь набирает трагической остроты.

Дело в том, что отец их был из Вены и с детей спрашивал строго. Все дети виртуозно играли на пяти-шести инструментах, но терпеть не могли заниматься: из каждой пьесы выходили окровавленными, но непобежденными, или избегали ранений чудом; все они считали, что станут музыкантами. Бадди первым узнал, что музыкантами они не станут. Мистер Кёнигсберг полагал, что талант либо есть, либо нет; его дети не выросли Хейфецами, Казальсами или Рубинштейнами, а значит, им не хватало таланта на профессиональную карьеру; а значит, лучше им играть для души, и когда Бадди окончил школу, отец объяснил, что Бадди надлежит стать бухгалтером.

Бадди сказал моему отцу: Понимаешь, я тогда не хотел огорчать отца, делать из мухи слона, думал, чего это я возомнил, будто умею петь, но потом все сдались, даже не пикнув. И я вот думаю – может, это я виноват? Если б я встал на дыбы, отец бы смирился, а они все не решили бы, что у них выбора нет, я вот думаю – вдруг это я виноват?

+ с надеждой замер...

+ и мой отец сказал: Ну а кто еще виноват? Ты зачем спасовал? Уступил противнику. Постарайся хотя бы, чтоб это больше не повторилось.

Мой отец понимал, что всегда будет ненавидеть себя за то, что уважил дедовы желания, и теперь решил, что хоть кто-то должен избежать этой ошибки.

Ей есть где жить? спросил он.

Нет, сказал Бадди.

Ну, пусть чешет на прослушивание, сказал мой отец и пошел в гостиную, а за ним, намереваясь защищать эту позицию, направился Бадди.

В гостиной сидела 17-летняя девушка с угольно-черными волосами, огненными черными глазами + огненно-красной губной помадой. Головы она не подняла, поскольку увлеклась 41-м исполнением шопеновской прелюдии № 24 ре-минор.

Мой отец остановился у пианино и вдруг подумал: Каковы шансы против поступления в семинарию, и походов в *синагогу*, и обучения игре в *пул*, допустим, он влюбился в еврейку из Филадельфии, разбогател на мотелях, и жил счастливо до скончания своих дней, скажем, шансы – миллиард к одному, что не равно невозможности, а значит, если подумать, не совсем невозможно, что на самом деле его отец не...

Линда съехала по басам и прогремела тремя злыми нотами. Р-рок. Р-рок. Р-рок.

Пьеса закончилась. В паузе Линда глянула на гостя.

А вы кто? спросила она.

Бадди представил моего отца.

А, атеист, сказала моя мать.

I

– Сделаем бамбуковые копья! Убьем бандитов!

– Нельзя.

– Не выйдет.

Три крестьянина («Семь самураев»)

Каждый год бандиты устраивают налет на деревеньку, и крестьяне лишаются урожая, а порой и жизни. В этом году старейшины решают воспротивиться. Они слышали, что в одной деревне наняли ронинов и тем спаслись. Они договариваются поступить так же и посылают гонцов на поиски желающих. Заплатить самураям нечем – только пищей, ночлегом и радостью битвы, – но крестьянам везет: первым они встречают Камбэя (Такаси Симура), сильного, целеустремленного человека, который соглашается им помочь. К нему прибивается молодой ронин Кацусиро (Ко Кимура), затем он случайно сталкивается со старым другом Ситиродзи (Дайсукэ Като). Сам он привлекает Горобэя (Йосио Инаба), а тот Хэйхати (Минору Тиаки). К ним присоединяется искусный фехтовальщик Кюдзо (Сэйдзи Миягути), и наконец, Кикутиё (Тосиро Мифунэ), крестьянский сын, который ходит за ними, замороженный – как и все они – Камбэем.

Прибыв в деревню, они готовятся к войне. Не дожидаясь атаки, они штурмом берут бандитскую крепость, сжигают ее и убивают нескольких бандитов, однако погибает и Хэйхати. Бандиты нападают на деревню, и самураи отражают атаку, однако погибает Горобэй. Затем они придумывают план: впустить несколько бандитов в деревню и забить копьями. В финальной битве погибают Кюдзо и Кикутиё, однако все бандиты тоже гибнут.

Весной вновь пора сеять рис. Из семи самураев остались только трое, и вскоре они разойдутся каждый своей дорогой.

Дональд Ричи. «Фильмы Акиры Куросавы»

1

Говорят ли самураи на японском по-пингвиньи?

В Великобритании 60 миллионов человек. В Америке 200 миллионов. (Правильно, да?) Я даже не угадаю, сколько миллионов англоязычных из других стран добавятся в общую сумму. Но руку дам на отсечение, что из всех этих сотен миллионов от силы человек 50 прочли *Aristarchs Athetesen in der Homerkritik*² (Лейпциг, 1912) – труд, не переведенный с родного немецкого и обреченный пребывать непереуведенным до скончания времен.

В 1985 году я вступила в этот крошечный орден. Было мне 23.

Первая фраза сей малоизвестной работы выглядит так:

Es ist wirklich Brach- und Neufeld, welches der Verfasser mit der Bearbeitung dieses Themas betreten und durchpflügt hat, so sonderbar auch diese Behauptung im ersten Augenblick klingen mag.

Я учила немецкий по «Самоучителю немецкого языка» и мигом распознала несколько слов:

Это поистине что-то и что-то, которое что-то с чем-то эти что-то делает что-то и что-то обладает, то есть что-то также это что-то может что-то при первом чём-то.

Остальное я расшифровала, посмотрев слова Brachfeld, Neufeld, Verfasser, Bearbeitung, Themas, betreten, durchpflügt, sonderbar, Behauptung, Augenblick и klingen в немецко-английском словаре Лангеншидта.

Если б видели знакомые, вышло бы неловко, потому что немецкий мне уже полагалось освоить; а нечего было убивать время, проникая на оксфордские лекции по аккадскому, арабскому, арамейскому, хеттскому, пали, санскриту и йеменским диалектам (не говоря уж о высшей папирологии и подготовительной иероглифике); надо было брать приступом фронтитры человеческих познаний. Беда в том, что если ты выросла в городишке, который счастлив заметить свой первый мотель, в городишке, который только смутно (если вообще, говоря вообще) осознает самое *существование* Йемена, тебя так и подмывает изучать йеменские диалекты, поскольку ты подозреваешь, что другого шанса может и не быть. Чтобы поступить в Оксфорд, я наврала обо всем, кроме своего роста и веса (в конце концов, отец мой наглядно иллюстрирует, что бывает, если рекомендации и оценки тебе предоставляют другие люди), и хотела выжать из учебы максимум.

То обстоятельство, что я доучилась и получила исследовательскую стипендию, лишний раз доказывает, сколь целесообразнее рекомендации и оценки, которыми я снабдила себя сама (став круглой отличницей, natürlich³; вписала, к примеру, фразу «У Сибиллы разносторонние интересы и исключительно самобытный ум; обучать ее – сплошное удовольствие»), нежели все то, что сочинили бы любые мои знакомые. Одна беда – теперь придется исследовать. Одна беда – когда член стипендиатского комитета сказал: «Немецкий вы, разумеется, знаете в совершенстве», – я беспечно ответила: «Разумеется». Ну а что – это *могло* оказаться правдой.

В общем, Рёмер – слишком темная материя, ему не место на открытых полках Нижнего читального зала с востребованными классическими текстами. Год за годом эта книга пылилась во тьме недр земных. Ее пришлось добывать из книгохранилища, направить можно в любой читальный зал Бодлианской библиотеки, и я заказала ее в резервный фонд Верхнего читального зала Корпуса Рэдклиффа – библиотеки под каменным куполом посреди площади. Там можно читать безнадзорно.

Я сидела на галерее, глядела на этот воздушный колокол, на сводчатые стены, забитые исключительно интересными на вид томами неклассического содержания, или в окно, на блед-

² «Аристарховы атетезы в гомеровской критике» (нем.).

³ Естественно (нем.).

ные камни колледжа Всех святых, или же, само собой, на *Aristarchs Athetesen in der Homerkritik* (Лейпциг, 1912). Поблизости – ни одного античника.

У меня сложилось впечатление, что смысл фразы таков: Приступив к этой теме, автор поистине пересекал и боронил непаханое новое поле, и на первый взгляд это заявление может показаться особенным.

Похоже, она не стоила затраченных усилий, но мне полагалось продолжать, и я продолжила, или, говоря точнее, собралась продолжить, но тут подняла голову и слева на полке ненароком заметила книгу о Тридцатилетней войне, на вид исключительно интересную. Я ее достала, она и впрямь оказалась исключительно интересна, и когда я от нее оторвалась, уже настало время обедать.

Я пошла на Крытый рынок и час разглядывала свитера.

Кое-кто придерживается мнения, будто контрацепция аморальна, ибо цель совокупления – размножение. Кое-кто придерживается схожего мнения, будто единственная причина читать книгу – написать книгу; люди извлекают книги из праха и тьмы, пишут тысячи слов, которым предстоит кануть во прах и тьму, а затем их извлекают из праха и тьмы, дабы другие люди присовокупили свои тысячи слов к этим тысячам слов во прахе и тьме. Порой книгу извлекают из праха и тьмы, дабы породить книгу, которую потом станут продавать в магазинах, и она, быть может, окажется интересной, но люди, которые ее купят и прочтут, поскольку она интересна, – это несерьезные люди, а были бы серьезными, наплевали бы на интересность, писали бы тысячи слов и затем поручили их праху и тьме.

Кое-кто полагает, будто смерть – судьба хуже скуки.

Я увидела на Рынке несколько интересных свитеров, но все были дороговаты.

В конце концов я от них оторвалась и возвратилась в гущу битвы.

Приступив к этой теме, автор поистине пересекал и боронил непаханое новое поле, и на первый взгляд это заявление может показаться особенным, напомнила я себе.

Исключительно неинтересно, должна сказать.

Я перешла ко второй фразе, продралась через нее с тем же соотношением затрат и пользы, потом к следующей, и к той, что за ней. На одну фразу уходило минут пять-десять – страница в час. Постепенно в тумане проступили очертания сути – как затонувший собор Дебюсси, *sortant peu à peu de la brume*⁴.

*La cathédrale engloutie*⁵ в конце концов взрывается аккордами меланхолического величия, ff!!!! Но когда я спустя часов 30 наконец начала понимать...

49 человек во всем англоязычном мире знали, что мне предстоит. Остальные не знают и не интересуются. И однако сколь многое определяет этот миг откровения! Лишь вообразив мир без Ньютона, без Эйнштейна, без Моцарта, мы можем постичь разницу между этим миром и миром, в котором я закрыла *Aristarchs Athetesen in der Homerkritik*, одолев две фразы, и в хладном пренебрежении условиями моей стипендии взяла с полки *Schachnovelle*⁶. Не прочти я Рёмера, я не узнала бы, что из меня не выйдет ученого, не встретила бы Либераче (нет, не того), и мир недосчитался бы...

Я говорю больше, чем знаю. Надо постепенно. Я день за днем читала Рёмера, и когда прошло часов 30, в час не золотой, но свинцовый⁷ у меня случилось просветление.

Лет примерно 2300 назад Александр Македонский выступил из Македонии завоевывать все, что попадется на пути. Он все завоевал до самого Египта, основал Александрию, потом

⁴ Мало-помалу появляется из тумана (*франц.*).

⁵ «Затонувший собор» (*франц.*) – прелюдия для фортепиано (1910) французского композитора-импрессиониста Ашиль-Клода Дебюсси (1862–1918).

⁶ «Шахматная новелла» (*нем.*) – последняя новелла (1938–1941) немецкого писателя Стефана Цвейга (1881–1942).

⁷ Аллюзия на дневники Энн Морроу Линдберг *Hour of Gold, Hour of Lead: Diaries and Letters, 1929–1932* (1932), о первых годах брака с авиатором Чарльзом Линдбергом и похищении их первенца.

отправился воевать дальше на восток и умер, предоставив соратникам грызться из-за добычи. Птолемей уже правил Египтом и так там и остался. Страной он правил, сидя в Александрии, и именно он создал одно из величайших чудес этого города – Библиотеку, собранную посредством прямодушного и беспощадного стяжательства.

Изобретение печатного станка отстояло от них не ближе, чем чудеса XXXVIII столетия от нас; все книги тогда копировались вручную. Вкрадывались ошибки, особенно если копировали копию скопированной копии; порой копировщика посещала светлая идея, и он вписывал подложные строки или целые подложные абзацы, а потом все наивно переписывали текст вместе с этой светлой идеей. Что делать? Воспроизводить оригинал как можно точнее. Библиотека, внося в афинский публичный архив внушительный залог, позаимствовала оттуда оригинальные рукописи греческих трагедий (Эсхил, Софокл, Еврипид и прочие) и все скопировала. А потом запаслась наиточнейшими версиями, просто-напросто оставив оригиналы себе, вернув копии и плюнув на залог.

История не слишком увлекательная, и однако о Библиотеке, об Александрии и о ненормальных, которые там жили, многое можно порассказать, и все завораживает, потому что одни тамошние писатели по части извращенности и своенравия дадут фору всему остальному миру. Если некуда ставить зонтики, кое-кто отправится в «Икею» и купит стойку, которую нетрудно собрать самому в домашних условиях, а кое-кто поедет за 100 миль на аукцион в шропширской глуши и разглядит потенциал в откровенно бессмысленном сельском агрегате XVII века. Вот за агрегат на этом аукционе бились бы друг с другом александрийцы. Они любили обдирать древние труды (имевшиеся под рукой в Библиотеке, собранной посредством беспощадного стяжательства), выискивали редкие слова, которых давно никто не понимал и уж конечно не использовал, и вводили их как альтернативы менее интересным лексемам, подававшимся человеческому пониманию. Они обожали мифы, в которых люди бесновались, или пили волшебные зелья, или в минуты стресса превращались в камни; они обожали сцены, в которых бесноватые люди толкали странные, обрывистые речи, усеянные несправедливо забытой лексикой; они любили сосредоточиться на каком-нибудь банальном эпизоде мифа, раскрутить его и отбросить сам миф – любого «Гамлета» они бы превратили в «Розенкранца и Гильденстерна». Эти исследователи, ученые, математики, поэты сбивали с пути истинного цветок римской юности и втискиваются в любую книгу, посвященную главным образом не им; если предоставить книгу им, они тотчас расцветают целым отдельным томом сносок – и говорю я, разумеется, о «Птолемеевской Александрии» Фрейзера, книге, ради которой я вернусь из-за гроба (однажды я просила о ней на смертном одре, но не получила). Однако время поджигает – Чудо-Мальчик смотрит кассету, кто знает, сколько это продлится, – каков же вклад Рёмера в эту великолепную тему?

Рёмера интересовал разбор гомеровских текстов, проведенный Аристархом, который возглавлял Библиотеку вскоре после 180 г. до н. э. (неприглядная история с трагедиями случилась до него). Аристарх алкал идеального Гомера; поскольку оригинальной рукописи не существовало, беспощадности и налички было недостаточно: приходилось сравнивать копии и выявлять ошибки. Он пометил к удалению (атетезе) строки, которые счел тексту чуждыми, и первым описал в комментариях ход своих рассуждений. Никаких трудов Аристарха не сохранилось. Остались маргиналии «Илиады» – там пальцем ни в кого лично не тыкали, но, вероятно, были они выдержками из Аристарха, дошедшими до нас через третьи руки; были и другие маргиналии, где фигурировали имена.

Кое-какие из этих через третьи руки выдержек своим блеском поразили Рёмера; очевидно, что они принадлежат Аристарху, и очевидно, что Аристарх был гений. Другие выдержки были слишком глупы для гения: очевидно, что они принадлежат кому-то другому. Когда кто-нибудь другой выдавал некую блестящую мысль, Рёмер тотчас понимал, что на самом деле это

сказал Аристарх, и если ему встречались бесхозные блестящие комментарии, он тоже мигом постигал их гениальное авторство.

С абсолютной и явной очевидностью это полнейшая ахиня. Если перемешиваешь все имена, какие попадутся, так, чтобы кто-то один всегда выходил гением, значит, ты не веришь источнику, который порой сообщает, что кто-то другой сказал нечто выдающееся или гений сморозил глупость, но ведь этот источник и заставляет тебя полагать гения гением. Чтобы понять, в чем проблема, достаточно на секунду задуматься, но Рёмер умудрился написать целый научный трактат, не задумавшись ни на секунду. Приняв глупость за критерий неаутентичности, он один за другим приписывал маргиналии Ксенодоту или Аристофану (нет, не тому), или списывал на искаженное цитирование Дидимом, и еще саркастически + злорадно комментировал бестолковость этих недоумков.

Разобравшись, что он такое говорит, я не поверила, что он взаправду такое говорит, и прочла еще 50 страниц (со скоростью 20 минут / страница, тем самым добавив к общему времени еще 16,66 часов), и оказалось, что он говорит такое взаправду. Я уставилась на страницу. И зажмурилась.

Скажем, ты растешь в городишке, который счастлив занять свой первый мотель, переезжаешь из города в город, едва один мотель достроен и пора строить другой. В школе ты, естественно, не звезда, и средняя оценка твоя – «хорошо с минусом». Потом ты сдаешь тест на способность к обучению и потрясаешь всех способностью, которая выставляет среднюю оценку «хорошо с минусом» в совершенно новом свете. Учителя воспринимают результаты теста как личное оскорбление. Ты подаешь заявления в разные колледжи, те требуют рекомендаций, и учителя, доводившие тебя до оступелой немоты, в рекомендациях сетуют на твою незаинтересованность. На основании блестящих результатов теста тебя собеседуют, спрашивают, каковы твои интересы, а интересов у тебя нет. Внешкольных занятий тоже нет, потому что из всех внешкольных занятий был только клуб поклонников Донни Осмонда⁸. По причине твоей незаинтересованности все твои заявления отфутболены.

В один прекрасный день ты валяешься на кровати в номере мотеля. У твоей матери день не задался: она за стенкой 63-й раз играет на пианино «Революционный этюд» Шопена. У твоего отца день задался: к нему явился член Гидеонова общества, предложил разложить по тумбочкам библию, и отцу выпала возможность категорически заявить, что этой макулатуры в его мотеле не будет. В верхнем ящике каждой тумбочки, объясняет он, лежит «Происхождение видов» Дарвина. День задался еще как, потому что с утра один постоялец спер не полотенце, а «Происхождение видов». Ты безучастно пялишься в телик. По телику «Янки в Оксфорде»⁹.

И тут тебя осеняет.

Уж Оксфорд-то не попрекнет тебя тем, что не ходила в клуб поклонников Донни Осмонда. Уж Оксфорд-то не потребует безмозглого воодушевления просто в доказательство твоей способности воодушевиться *хоть чем-нибудь*. Уж Оксфорд-то не примет слухи за свидетельства. Уж Оксфорд-то не ткнет тебя носом в рекомендацию, ничегошеньки не зная о ее авторе.

Может, поступить туда?

Я подумала: уеду из Мотельвилля, буду жить среди разумных существ! Мне больше никогда не будет скучно!

Я не учла Рёмера. И сейчас подумала: может, во всем виноват мой немецкий?

⁸ Дональд Кларк (Донни) Осмонд (р. 1957) – американский поп-певец, актер и радиоведущий, подростковый кумир 1970-х.

⁹ «Янки в Оксфорде» (*A Yank at Oxford, 1938*) – романтическая драма англо-британского режиссера Джека Конуэя с Робертом Тейлором в роли американца, получившего оксфордскую стипендию.

Но Рёмер взаправду такое говорил, и я взаправду потратила на чтение 46,66 часов. Я поглядела в книгу. Поглядела в зал под куполом. Там тихонько шелестели страницы. Я подперла голову рукой.

Я потратила 46+ часов на этот образчик нелепой логики и не прочла ни слова Музиля, Рильке, Цвейга. Но стипендию мне платили не за чтение просто хороших книг; мне платили стипендию за мой вклад в багаж человеческих знаний. Я разбазарила 47 часов, а люди между тем умирают от голода + детей продают в рабство; но у меня нет разрешения на работу, я не могу просто заниматься тем, чем заниматься стоит. Если б не нужно было разрешение на работу, можно было бы обойтись без стипендии + если б я вернулась в Штаты, можно было бы обойтись без разрешения на работу, но возвращаться в Штаты я не хотела.

В «Графе Монте-Кристо» есть такой персонаж, который годами долбит каменную стену и наконец выбирается: он оказывается в другой камере. Вот такую минуту я и пережила.

Лучше бы я 47 часов потратила на йеменские диалекты.

Я постаралась взбодриться. Подумала: я в Великобритании! Можно сходить в кино, поглядеть рекламу «Карлинг Блэк Лейбл»! Потому что нет в мире лучше рекламы, чем британская реклама, а реклама «Карлинг Блэк Лейбл» – пик развития британской рекламы. Я не знала, какое мне охота посмотреть кино, но реклама будет великолепная. Тут я вдруг сообразила, что в том и беда, вот она, дьявольская гнусность этой жизни: одна минута «Карлинг Блэк Лейбл» против двух часов каких-нибудь «Охотников за привидениями 35», которые и смотреть-то неохота. В общем, я решила не ходить в кино, и если бы...

Кино я отменила. Решила: пойдём поищем жареных кур.

Американцу в Великобритании даны источники утешения, каких больше нигде на свете нет. Одно из замечательных свойств этой страны – множество жарено-куриных забегаловок, торгующих жареными курами из штатов, по ту сторону Атлантики жареными курами отнюдь не знаменитых. Если ты слегка опечален, загляни в «Жареных кур Теннесси», если ты в глубоком отчаянии, «Жареные куры Айовы» явят тебе свет в конце тоннеля, если жизнь бессмысленна, а смерть недоступна, проверь, может, где-нибудь на острове по рецептам, которые передавались из поколения в поколение, «Жареные куры Аляски» жарят эскимосских кур.

Я оседлала велосипед и поехала по Каули-роуд, мимо «Жареных кур Мэриленда», мимо «Джорджии», и всю дорогу размышляла, чем бы таким заняться без разрешения на работу. Наконец я спешила у «Жареных кур Канзаса».

Вешая замок на велик, я вдруг подумала: *Рильке работал секретарем у Родена.*

Вот что я знала о Рильке: он был поэт; он поехал в Париж и устроился секретарем к Родену; на выставке в Большом дворце увидел работы Сезанна и потом день за днем приходил и смотрел на них часами, потому что никогда не видел ничего подобного.

Я не знала, как Рильке получил эту работу, и вольна была воображать, что он просто явился под дверь. Может, мне тоже просто явиться под дверь? Уехать в Лондон, в Париж, в Рим, явиться под дверь к художнику или скульптору, к человеку, которому разрешение на работу, скорее всего, по барабану. Я бы увидела всякое только что пришедшее в этот мир и глазела бы часами.

Расхаживая туда-сюда, я пыталась вспомнить художника, которому пригодился бы помощник.

Расхаживая туда-сюда, я подумала, что, наверное, будет проще вспомнить художника, если я уже окажусь в Лондоне, Париже или Риме.

Денег у меня было немного, так что я еще походила туда-сюда, размышляя, как бы мне попасть в Лондон, Париж или Рим. В конце концов я пошла в «Жареные куры Канзаса».

Я уже собралась заказать «Куриную корзину» и тут вспомнила, что записалась на ужин в колледже. Колледж славился своим шеф-поваром, но все равно меня подмывало остаться с курами, и если бы...

Я не буду об этом думать. Я это не всерьез, но если бы...
Да какая разница? Сделанного не воротишь.

Просто так вышло, что в тот вечер я собралась на ужин в колледж; просто так вышло, что я сидела рядом с бывшей выпускницей; не просто так вышло, что говорила я об интеллектуальной моногамии и разрешениях на работу, поскольку больше ни о чем думать не могла, однако просто так вышло, что соседка моя сочувственно заметила, мол, Бальтюс¹⁰ был секретарем у Рильке, просто так вышло, что она оказалась дочерью чиновника + потому ее не пугала британская бюрократия + она сказала, что если я в силах пережить позор, став

Почему они ругаются?

ПОЧЕМУ ОНИ РУГАЮТСЯ?

ПОЧЕМУ ОНИ РУГАЮТСЯ?

Ты что, прочесть не можешь?

я МОГУ но ПОЧЕМУ

Ну, они ищут самураев, которые защитят их деревню от бандитов

Это я понимаю

но некоторые думают, что это только время зря терять

ЭТО я понимаю

потому что тот самурай, которого они позвали, оскорбился, когда ему предложили кормить его три раза в день

это я ПОНИМАЮ

а теперь они говорят я же говорил

ЭТО Я ПОНИМАЮ НО ПОЧЕМУ ОНИ РУГАЮТСЯ

По-моему, это для тебя слишком сложно.

НЕТ

Может, тебе подрасти сначала

НЕТ

Ну хотя бы до 6

НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕТ!

ЛАДНОЛАДНОЛАДНОЛАДНОЛАДНО. Ладно. Ладно.

По-моему, он еще маловат, но что тут сделаешь? Я сегодня в газете прочла ужасные слова:

В отсутствие доброжелательной фигуры мужчины одинокая мать, растя сына, ведет борьбу, обреченную на провал. Ей жизненно необходимо обеспечить мальчику мужскую ролевую модель – соседей, дядей, друзей семьи, которые разделяли бы его интересы и увлечения.

Это все прекрасно, но у Людо нет дядьев, а среди моих знакомых не водятся доброхотных филателистов (если б водились, я бы от них пряталась). Это меня беспокоит. Я как-то прочла, что аргентинские солдаты связывали диссидентов и сбрасывали их с самолетов в море. Я подумала: ну, раз Л нужна ролевая модель, пускай смотрит «Семь самураев» + получит целых 8.

Крестьяне видят толпу. Самурай идет на берег реки, где его обреет монах.

Сквозь толпу проталкивается усатый человек с мечом, садится на корточки и чешет подбородок. (Это Тосиро Мифунэ.)

¹⁰ Бальтюс (Бальтазар Клоссовски де Рола, 1908–2001) – польско-французский художник, одна из крупнейших фигур французской культуры XX века; Райнер Мария Рильке протезировал ему в ранние годы – в частности, выпустил книгу рисунков 12-летнего Бальтюса и написал к ней предисловие.

Красивый юноша аристократической наружности спрашивает кого-то, что происходит. В сарае прячется вор. У него ребенок в заложниках. Самурай просит у монаха кэсу и два рисовых колобка.

Самурай переодевается. Он чувствует взгляд Мифунэ и оборачивается. Глаза его черны на белом лице на черном экране. Взгляд Мифунэ бесстрастен. Глаза у самурая черны на белом лице. Мифунэ чешется. Самурай отворачивается. Снова смотрит на Мифунэ; глаза его черны, лицо бело. Он отворачивается и идет к сараю.

Мифунэ садится неподалеку на бадье, смотрит.

Самурай говорит вору, что принес еду, кидает в дверь рисовые колобки и шагает следом.

Вор выбегает из сарая и падает замертво.

Самурай роняет меч вора в грязь.

К ребенку бегут родители.

Мифунэ выскакивает вперед и машет мечом. Прыгает вокруг трупа.

Самурай уходит, не обернувшись.

машинисткой (я призналась, что умею 100 сл/м), можно получить разрешение на работу + работу.

Выше я хотела сказать, что если б 30 апреля 1985 года не открыла Рёмера, мир недосчитался бы гения; я сказала, что мир без Ужасного Ребенка был бы все равно что мир без Ньютона + Моцарта + Эйнштейна! Я не знаю, так ли это; откуда мне знать, так ли это? Не всякий гений – вундеркинд + не всякий вундеркинд – гений + в 5 еще рано судить. Сидис¹¹ в 8 знал 12 языков, в 12 читал лекции по стереометрии в Гарварде и кончил в неизвестности, и помнят его только тревожные родители молодых да ранних. Сезанн сам научился рисовать на третьем десятке. А вот Бернини был вундеркиндом и гением, и Моцарт тоже. Невозможно? Нет. Возможно.

Возможно, но вероятно ли? Если Л – Моцарт или Ньютон, спустя 10 столетий людям интересно будет узнать, что он почти

Зачем он отрезал волосы? Зачем он переоделся?

ЗАЧЕМ ОН ОТРЕЗАЛ ВОЛОСЫ? ЗАЧЕМ ОН ПЕРЕОДЕЛСЯ?

ЗАЧЕМ

Он должен прикинуться монахом, чтобы вор ничего не заподозрил и не убил ребенка.

А чего монах сам не пошел?

По-моему, буддийские монахи не верят в насилие. И монаху, наверное, не удалось бы разоружить вора. К тому же тут важно, что он это делает за просто так и чтобы спасти ребенка, и дальше мы узнаем, что больше всего он раскаивается...

Я бы сказала ему: пускай фильм говорит сам за себя. Я уже было это говорю, убежденная, что ошибиться здесь нельзя, но тут вспоминаю комментарии мистера Ричи к последней сцене посадки риса. Мистер Ричи – автор «Фильмов Акиры Куросавы», и поскольку во всем, что касается фильмов Куросавы, не выходявших на видео, я полагаюсь на эту книгу, лучше бы мистер Ричи не говорил, что финал демонстрирует неблагодарность крестьян, а сцена посадки риса – элемент надежды. Раз фильм сам за себя не говорит, придется мне сказать о фильме что-нибудь такое, чего я бы лучше

Я говорю Л, что где-то читала, как в эпоху Токугавы не-самураев, носивших меч, карали смертью. Говорю, что, по мнению мистера Ричи, бритые головы для самурая – обычно знак унижения. Говорю, что усатого актера зовут Мифунэ Тосиро, поскольку не хочу, чтоб он подхватил мою дурную привычку по лености произносить имена на западный манер, и записываю имя

¹¹ Уильям Джеймс Сидис (1898–1944) – американский вундеркинд, математик, лингвист и историк.

на бумажке, чтоб он его в следующий раз узнал. Я говорю, что актера, который играет самурая, зовут Симура Такаси, и, немного поразмыслив, записываю иероглифами Симуру, а поразмыслив продолжительно – Такаси. Видела, говорю, два способа писать имя Куросавы, иероглифы «Куро» («черный») и «Акира» (не знаю) всегда одинаковые, но «Сава» пишут по-разному. Записываю обе версии + говорю, что вежливее использовать ту форму, которую предпочитает носитель имени. Он спрашивает, кто тут Куросава, и я отвечаю, что Куросава в фильме не появляется, он режиссер, а Л спрашивает, что такое режиссер, и я отвечаю, что проще будет объяснить, когда он посмотрит фильм. Тут я понимаю, что эти обрывки данных – хлипкая оборона против всего, что заставляет мужчину, когда ему велят выкинуть человека из самолета, поступать как велено, и очень жаль, потому что у Л сразу куча новых вопросов. Он просит записать имена всех остальных актеров – он на них потом посмотрит. Я обещаю поискать в автобиографии.

не родился; Ремер на его пути будет весом, как великая чума, что погнала Ньютона домой из Кембриджа. Но с чего бы ему не кончить плохо? Как извлечь дитя из чрева на воздух – легко понять. Выходит и выходит, пускает слюни и орет. Тотчас проявляются его таланты – на них охотятся и забивают их до бесчувствия. Однако и Моцарт был когда-то изумительной, ошеломительной обезьянкой.

Когда не ладилась дела, что с ними регулярно и случалось, мой отец с насмешливой улыбкой говорил: Ты можешь много грустных слов проговорить, среди них нет слов грустней «могло бы быть»¹². Если Л получится хорошим не каким-то чудом, но поступив правильно, а не наоборот, другим его спасение принесет пользу; если он выйдет плохим (что тоже вероятно), его пример может их уберечь.

Крестьяне переглядываются. Этот человек им и нужен. Они идут следом за ним из деревни.

И Мифунэ тоже идет.

И юноша аристократической наружности тоже. Он догоняет самурая на дороге и падает на колени.

Л (читает субтитры): Меня зовут Кацусиро Окамото. Возьмите меня в ученики

Л: Я Камбэй Симада. Я просто ронин. Что такое ронин?

Я: Бесхозный самурай.

Л: Я не самурай, и у меня нет учеников

Л: Пожалуйста возьмите меня

Л: Встань а то невозможно разговаривать

Л: Мне неловко ты меня переоцениваешь

Слушай, мне нечему тебя научить

У меня просто обширный боевой опыт

Иди прочь и забудь об этом, не ходи за мной

Это для твоего же блага

Л: Я намерен идти за тобой, что бы ты ни сказал

Л: Я тебе запрещаю

Я не могу позволить себе учеников

Подбегает Мифунэ, смотрит на самурая. Камбэй: Онцуси – самурай ка? Мифунэ (выпрямляясь в полный рост): [невнятный вопль]

¹² Цитата из стихотворения американского поэта, аболициониста Джона Гринлифа Уиттьера (1807–1892) «Мод Миллер» (*Maud Muller*, 1856).

Л: Ты самурай?

Л: Ну еще бы!

Камбэй и Кацусиро уходят. Выбегают крестьянин, падает на колени.

Я рассказываю Л, что в автобиографии Куросава перевозит Мифунэ до небес, только вот отмечает, что у Мифунэ очень резкий голос, микрофоны его улавливали с трудом. Говорю, как это очаровательно, что переводчики перевели японский на пингвиний.

Л: Какой пингвиний?

Я: На который переводят английские переводчики. У меня просто обширный боевой опыт! Я намерен идти за тобой! Большинство англоговорящих понимают пингвиний, даже если обычно на нем не говорят, но все равно.

Л: А там говорят по-другому?

Я: Может быть, они говорят на японском по-пингвины. Нам остается только догадываться. Камбэй говорит: *Тада кассэн ни ва дзуйбун дэта га, тада* – просто, *кассэн* – битва, бой, сообщает нам Халперн (но, может, это в словарь проник пингвиний. Большой вопрос), *ни* – в, *ва* – тематическая частица, *дзуйбун* – много, *дэта* – случилось, *га* – тоже частица, мы сейчас вникать не будем, но она, по всей видимости, довольно распространенная, мне как-то не верится, что это она и придает пингвиний оттенок...

Л: Ты когда научишь меня японскому?

Я: Я его сама толком не знаю.

Л: Научи тому, что знаешь.

Я: [НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ] Ну

Л: Пожалуйста

Я: Ну

Л: Пожалуйста

Сладкий глас рассудка: Ты уже столько всего начал, по-моему, лучше еще поработать над этим, а уж потом начинать новое.

Л: Сколько еще?

Я: Ну

Л: Сколько еще?

Только этого не хватало – учить пятилетнего ребенка японскому, который я и сама-то пока не выучила.

Я: Я подумаю.

Я бы хотела ослеплять своим стилем. Вряд ли во мне откроются таланты Сезанна; если я не оставлю иных замет, хотелось бы, чтоб эти потрясли читателя. Но писать надо так, чтобы меня поняли; как сохранить совершенство формы? Пред моим внутренним взором страница – по-моему, *De Natura Deorum*¹³ Цицерона: сверху одна-единственная латинская строка, остальное по-английски (возможно, по-немецки), пояснения к именам, по прошествии 2000 лет неузнаваемым. Вот так оно и будет смотреться, если я стану объяснять все свои отсылки для читателя ХХХХV века – читателя, который, чего доброго, знает имя всего одного гения ХХI столетия (ныне пятилетнего). Я что пытаюсь сказать – перед моим внутренним взором маячит страница, поверху строка со словами «Карлинг Блэк Лейбл», а остальное – слепой текст мелким шрифтом, сноска к пиву «Карлинг Блэк Лейбл», рекламе «Карлинг Блэк Лейбл», высочайшему пику британской рекламной индустрии, джинсам «ливайс», рекламе потертых «ливайсов», спародированной в классической рекламе «Карлинг Блэк Лейбл», тексту класси-

¹³ «О природе богов» (лат.), теологический диалог (45 г. до н. э.) древнеримского политика, оратора и философа Марка Туллия Цицерона (106–43 до н. э.).

ческой песни «Дошли до меня слухи»¹⁴ в исполнении Марвина Гэя в классических джинсах и в классической рекламе пива, не говоря уж о пояснениях касательно того, что американская аудитория была трагически обделена, поскольку имела возможность экспортировать джинсы и импортировать пиво, но лишена была шанса узреть славные образчики британской рекламы, порожденные этими предметами международной торговли. Сказать я хочу вот что: я читала книги, написанные 2000 или даже 2500 лет назад, или 20 лет назад, и через 2500 лет придется объяснять все, даже Моцарта, а как начнешь объяснять, конца этому не будет.

**СКОЛЬКО ЕЩЕ?
СКОЛЬКО ЕЩЕ?
СКОЛЬ, КО, Е, ЩЕ?**

Я: Ну, если прочтешь «Одиссею», и «Метаморфозы», книги 1–8, и «Калилу и Димну» целиком, и 30 из «Тысячи и одной ночи» и 1-ю книгу Самуила *плюс* Книгу Ионы *плюс* выучишь знаки кантиляции и сделаешь 10 глав из «Алгебры по-простому», я тебя научу всему, что знаю.

Л: Я все сделаю.

Я: Хорошо.

Л: Я сделаю.

Я: Отлично.

Л: Увидишь.

Я: Я знаю.

Л: А ты меня научишь алфавиту, пока я делаю остальное?

Я: Там нет алфавита. Там два вида силлабария, слоговой азбуки, каждая по 46 символов, 1945 иероглифов китайского происхождения, которые в ходу со Второй мировой войны, и где-то 50 000 иероглифов, которые появились еще раньше. Я знаю слоговую азбуку и 262 иероглифа, но я их все время забываю, и поэтому, говоря правду, я вообще-то не готова тебя учить.

Л: Тогда пускай меня учит японец.

Блестящая мысль. Доброжелательный японец будет замещать ему дядю! Доброжелательный двойник Мифунэ станет приходить к Л и болтать про филателию, или футбол, или свою машину на языке, маскирующем отчаянную скуку предмета обсуждения. Но японец, наверное, захочет денег.

Я: Мне кажется, мы не можем себе этого позволить.

Я когда-то читала книжку про австралийскую девочку, которой подарили английского бульдога; послали в город большой грузовик – забрать огромное (предполагали они) животное, и привезли бульдожьего ребенка, который помещался в ладони. Я тогда думала, что и сама бы не отказалась от крошечной бульдожки. Что я понимала? Л прочел «Али-Бабу», и про Моисея в тростнике, и *De Amicitia*¹⁵ Цицерона, и «Илиаду», которую я подсунула ему по ошибке, + умеет играть «Чистоганом, не шлифуя»¹⁶, которую выучил на слух + пытался воспроизвести раз 500 – он преуспел, и это замечательно, но когда в той же комнате печатаешь «Дайджест вышивки по шерсти» за 62 года, порой нелегко пережить положенный

Ибо кто такой Моцарт? Вольфганг Амадей Моцарт (1756–1791) – гениальный австрийский композитор; с пяти лет учился музыке у своего отца Леопольда, выступал перед европей-

¹⁴ «Дошли до меня слухи» (*I Heard It Through the Grapevine*, 1966) – песня Нормана Уитфилда и Барретта Стронга, написанная для студии «Мотаун рекордз» и в исполнении соул-певца Марвина Гэя (1939–1984) в 1968 году ставшая знаменитой.

¹⁵ «Лелий, или О дружбе» (*лат.*) – трактат (44 г. до н. э.) Цицерона, рассуждение о природе дружбы на примере отношений Лелия и Сципиона.

¹⁶ «Чистоганом, не шлифуя» (*Straight, No Chaser*, 1951) – джазовый стандарт американского пианиста и композитора Телониуса Монка (1917–1982), стоявшего у истоков стиля бибоп.

скими монархами, играл на арфе с завязанными глазами, исполнял и другие трюки. Сочинял струнные квартеты, симфонии, фортепианные сонаты, концерт для стеклянной гармоники и несколько опер, в том числе «Дон Жуан» и «Волшебная флейта». Сестра его Наннерль обучалась так же, но музыкальным гением не стала. Я слышала, как умный человек утверждал – мол, это доказывает, что из женщины не выйдет музыкального гения. Как можно, возражаете вы, утверждать это, ЗНАЯ, что у брата и сестры необязательно есть общие гены, и не подписываться при этом под маловероятной теорией о том, что при надлежащем обучении из любого человека может получиться Моцарт? Вы возражаете, а я только подумала; однако умному человеку так редко приходится думать,

Что такое слоговая азбука?

Слоговая азбука – это набор фонетических символов, которые обозначают слоги
что думать он отвыкает.

Что такое слоги?

Ты знаешь, что такое слоги.

Не знаю

Слог – это фонетический элемент слова, содержащий гласную, скажем, слово «содержащий» можно разбить на «со-дер-жа-щий» и каждому элементу присвоить обозначение. В китайском все слова из одного слога – они односложные. А многосложные – это что?

Когда много слогов?

Exactement¹⁷.

А олигосложные – это когда немного слогов

Это правда, но так обычно не говорят, люди, как правило, противопоставляют одно многому

Дуосложные

Благовзвучия ради проще сказать «двусложный» или хотя бы «бисиллабический». Вообще, если составляешь слово, используешь числительные-префиксы. Можно латинские, и тогда выходит «дисиллабический», но обычно люди после «моно» употребляют «би»: моногамия – бигамия, моноплан – биплан. И обычно латинские числительные используются со словами латинского происхождения: универсальный, бивекторный, мультивалентный, биаксиальный, мультимедиа, а греческие числительные – со словами греческого происхождения: тетраэдр, тетралогия, пентаграмма

Трисиллабический

Можно и так

Тетрасиллабический

Да

Пентасиллабический гексасиллабический гептасиллабический октасиллабический энасиллабический декасиллабический гендесиллабический додекасиллабический

Именно

Трискедекасиллабический тессарескедесиллабический пентекедекасиллабический геккедекасиллабический гептакедекасиллабический

А кто такой Бернини? Джованни Лоренцо Бернини (1598–1680) был «величайшим гением итальянского барокко», в семь лет переехал в Рим и учился у своего отца,

ЭЙКОСАСИЛЛАБИЧЕСКИЙ

¹⁷ Правильно (франц.).

скульптора Пьетро. Рудольф Витквер (немецкий историк искусств, бежавший от нацистов [как тут подступиться-то?], автор «Искусства и архитектуры Италии 1600–1750»), сравнивает его талант к нечеловеческому

эннеакейкосасиллабический
ТРИАКОНТАСИЛЛАБИЧЕСКИЙ

сосредоточению с Микеланджело ([1475–1564], художником, поэтом, гениальным скульптором...). «В отличие от ужасного, одинокого гиганта XVI века, это был человек бесконечного обаяния, блестящий и остроумный собеседник, очень общительный, аристократ по своим манерам, хороший муж и отец, первоклассный

эннеакетессараконтасиллабический ПЕНТЕКОНТАСИЛЛАБИЧЕСКИЙ гискепентеконтасиллабический

организатор, наделенный непревзойденным талантом творить быстро и легко»¹⁸.

А Сезанн? Поль Сезанн (1839–1906) – гениальный французский художник, связанный с импрессионистской

трискегексеконтасиллабический

художественной школой. Он был немногословен: люди прозвали его Медведем. Писал очень медленно и с

октокегексеконтасиллабический эннеакегексекон- тасиллабический ГЕБДОМЕКОНТАСИЛЛАБИЧЕСКИЙ

трудом. Прославился своими пейзажами и натюрмортами. Краску на холст наносил блоками, зачастую не кистью, а мастихином. Работал так

гептакегебдомеконтасиллабический

медленно, что не могли стоять неподвижно

ОГДОЭКОНТАСИЛЛАБИЧЕСКИЙ

даже фрукты: они гнили,

Какое самое длинное слово в мире?

Я не знаю. Я же не все слова в мире знаю.

А какое ты знаешь самое длинное слово?

Я не знаю.

Как это не знаешь?

Кажется, название полимера. Я его уже не помню.

дуокегдоэконтасиллабический

Погоди. Вот хорошее. ди(2-этилгексил)гексагидрофталат.

¹⁸ Цит. по: Барбара Мертц, Ричард Мертц. «Рим: две тысячи лет истории». Пер. Е. Ламановой.

Это полимер?

Нет.

А что значит?

Я раньше знала.

А вот папа знает.

Да черта с два он знает (думаю я) – подмывает так и сказать, но я не ЗНАЮ точно, что он не знает, тут действует лишь (на мой взгляд) высочайшая вероятность + пожалуй, не стоит чернить его имя перед Л, если нет неопровержимых доказательств.

МОЖЕТ БЫТЬ, знает. Об этом речь не заходила.

А о чем заходила?

Я говорила о Розеттском камне. Он – о своей машине и любимом писателе.

А какая у него машина?

Он не сказал. Диэтил-диметилметан. Диэтил-диэтилмалонат. Диэтил-метил-этилмалонат.

трискегдоэконтасиллабический тессарескегдоэконтасиллабический пентекегдоэконтасиллабический

не успевал он их дописать. Поэтому он использовал

октокегдоэконтасиллабический эннеакегдоэконтасиллабический ЭНЕНЕКОНТАСИЛЛАБИЧЕСКИЙ

восковые муляжи.

А кто был Рильке, а Цвейг, а Музиль? Кто был Ньютон? А Эйнштейн? Рильке

Объясни мне слоговые азбуки!

ОБЪЯСНИ МНЕ СЛОГОВЫЕ АЗБУКИ!

ОБЪЯСНИ МНЕ СЛОГОВЫЕ АЗБУКИ!

Ну

Они трудные?

Не очень

Пожалуйста

Ну

Пожалуйста

Мы же договорились

Гискеэненеконтасиллабический дуокененеконтасиллабический

Гленн Гульд (эксцентричный блестящий канадский пианист середины XX века, специалист по творчеству И. С. Баха [гениального немецкого

ГЕПТАКЕНЕНЕКОНТАСИЛЛАБИЧЕСКИЙ

композитора XVIII века]) о «Хорошо темперированном clavире» (даже не думайте) говорил, что прелюдии

ОКТОКЕНЕНЕКОНТАСИЛЛАБИЧЕСКИЙ

—это лишь предисловие,

ЭННЕАКЕНЕНЕКОНТАСИЛЛАБИЧЕСКИЙ

они не представляют

ГЕКАТОНТАСИЛЛАБИЧЕСКИЙ

подлинного интереса с музыкальной точки зрения. Но

Научи меня **ОДНОЙ** слоговой азбуке

Мы же договорились

А бывает язык с одной слоговой азбукой?

Тамильскому, кажется, хватает одной

Значит, тамильский – моносиллабарический язык

Да

А японский – дисиллабарический язык, но обычно люди называют его бисиллабарический

Да

трисиллабарический тетрасиллабарический пентасиллабарический гексасиллабарический

читатель

гептасиллабарический

может

октасиллабарический

утешаться

энасиллабарический

и простым

декасиллабарический гендекасиллабарический додекасиллабарический

предисловием.

геккедекасиллабарический

Надеюсь, я не хуже справлюсь с

Гептакедекасиллабарический

ОКТОКЕДЕКАСИЛЛАБАРИЧЕСКИЙ

ЭННЕАКЕДЕКАСИЛЛАБАРИЧЕСКИЙ

ЭЙКОСАСИЛЛАБАРИЧЕСКИЙ

Гиске

Ты пропускаешь шедевр современного кинематографа. Дочитай «Одиссею», и я тебе объясню хирагану, ага?

Идет.

Эмма предложила мне разрешение на работу + работу.

Я сказала: Идет.

* * *

«Одиссея», песнь 1.

* * *

«Одиссея», песнь 2.

* * *

«Одиссея», песнь 3.

* * *

«Одиссея», песнь 4.

* * *

Я ничего такого не задумывала. (Л читает песнь 5-ю «Одиссеи». Прочел четыре книги за четыре дня. Я бы продолжила там, где остановилась, но потеряла свои записи.) Вообще-то я хотела последовать примеру г-на Ма (отца знаменитого виолончелиста), который, я где-то читала, начал учить Йо-Йо, когда тому было 2.

Coupez la difficulté en quatre¹⁹ – таков был его девиз, и это означало, что он разбивал музыкальную пьесу на очень маленькие задачи, а ребенку полагалось одолеть одну задачу в день. Так же г-н Ма поступал с китайскими иероглифами: ребенку полагалось учить один иероглиф в день – по моим подсчетам, выходит две простые задачи, но вы поняли. Я решила, что это сильно поможет Л и мало затруднит меня + когда ему исполнилось 2, я начала работать с карточками.

По-моему, первой простой задачей был кот. Одолев эту простую задачу, Л захотел продолжить, он захотел, чтобы все до единого слова из его лексикона оказались на карточках, он зарыдал ПУРПУРНЫЙ ПУРПУРНЫЙ ПУРПУРНЫЙ, когда я попыталась прекратить, пришлось записывать. На следующий день он взялся за первую свою книжку, «Добб не любит хоп-хоп»²⁰ Доктора Сьюза, и заплакал, едва начав, потому что не знал ни Добба, ни Хопа. Я мигом сообразила, что если обучать двухлетнего трудоголика методом «покажи и расскажи», в день на машинопись мне останется минут, может, 6 + поэтому (сомневаясь в нашей способности прожить на 55 пенсов в день) поспешно пробежалась по основным принципам фонетиче-

¹⁹ Делите проблему на четыре (франц.).

²⁰ «Добб не любит хоп-хоп-хоп» (*Hop on Pop*, 1963) – книжка с картинками Доктора Сьюза (Теодор Сюз Гейзел, 1904–1991). Пер. Н. Сомова.

ского метода обучения. Он научился произносить «дэ», видя «д», и «ха», видя «х», и к концу недели читал так: Добб. Не. Лю. Бит. Хоп. Хоп. Хоп. Кот. В. Шля. Пе.

Я подумала: Получилось! Получилось!

Он сидел на полу, находил что-нибудь интересное и ташил показать мне.

Гром на ножках. Он откопал сокровище. Так? говорила я И он предъявлял мне страницу – О Радость! – о небесный восторг

Вот

Чудо!

И еще одна находка! Что бы это могло быть? Да неужели... Нет-нет... Да... Да... Это же

Кот

И так он выдергивал со страницы чудо за чудом, пока не научился невозмутимо вынимать из обычного, пустого, как правило, черного цилиндра то кролика, то голубя, то гирлянду разноцветных платков.

Чудо диво чудо диво клево

Я надеялась, что буду успевать работать больше.

В один прекрасный день он сообразил, что на полках стоит куча других книг.

Он выбрал книжку с картинками и пришел ко мне в расстройстве.

Этот письменный прибор из гуттаперчи повествует о многом

Я объяснила письменный прибор, гуттаперчу и повествует

считается, что он изображает Нептуна и создан в память об успешном использовании данного материала для изоляции первого подводного телеграфного кабеля, проложенного из Англии во Францию в 1850 году.

+ я сказала НЕТ.

Я сказала Ты же знаешь много слов, правда, и он сказал Да, и я сказала Давай ты потренируешься читать те слова, которые знаешь, а потом выбери ПЯТЬ СЛОВ, которых не знаешь, и я тебе объясню.

Уж не знаю, что он там понял в нашем уговоре. Спросил про Нептуна, создан, память, успешном, материале, изоляции и подводном. Пусть ваше воображение поведает вам, как я все это объясняла. Он прочел несколько слов, которые знал, и положил книгу на пол. Затем пошел за следующей книгой. Какой приятный сюрприз. В, И, К и наш старый друг Вот в «Истине и других загадках»²¹! Но увы – ни гуттаперчи, ни Нептуна.

Он положил книгу на пол и шагнул к полке.

На 20-й книге я подумала: Ничего не получится.

Я сказала: Поставь книжку на полку

+ он злорадно завопил и положил ее на пол

и я поставила ее на место, а его посадила в манеж, и он разрыдался.

Я сказала: Слушай, давай ты посмотришь красивые картинки в «Классике пластиков», а если знаешь слово, можешь его прочитать, смотри, какое красивое желтое радио

а он прорыдал НEEEEEEEEEEEEЕТ

Я сказала: Ну хорошо, вот тебе «Истина и другие загадки», там целые кучи, горы и моря слов, давай посмотрим, может, на этой странице ты какое-нибудь слово знаешь

+ он прорыдал НEEEEEEEEEEEEЕТ, выдрал страницу, а книгу кинул подальше.

²¹ «Истина и другие загадки» (*Truth and Other Enigmas*, 1978) – сборник эссе британского философа Майкла Даммета (1925–2011), посвященных метафизике истины.

Я подумала: Сочиним другую простую задачу. Простую задачу, которую можно решать каждый день, но чтобы при этом на полу не валялись сотни книг.

И я отвела его в «Грант и Катлер», купила французскую книжку с картинками, и *Yaortu la Tortue*²², и *L'Histoire de Babar*²³ (а также «Письма к Сезанну» Рильке, которые тоже там нашлись). Каждый день учила его простым словам, и он оставил английские книжки в покое.

Я подумала: Получилось! Получилось!

В один прекрасный день он нашел на полке французские книжки. Я объяснила пять слов из *Zadig*²⁴. Вскоре на полу валялся «Задиг» и еще 20 французских книг. После чего Л вернулся к английским.

Я подумала: Сочиним другую простую задачу.

Я подумала: арифметика – несложная задача. Научила его считать дальше 5, и он за три дня досчитал до 5557 и разрыдался, потому что счет никак не заканчивался + я в отчаянном озарении сказала, что бесконечность тем и хороша: точно знаешь, что тебе всегда хватит чисел. Научила его прибавлять 1 к числу – вроде бы простая задача, + он исписал примерами 20 листов миллиметровки: $1 + 1 = 2$, $2 + 1 = 3$, $3 + 1 = 4$, разрыдался и был унесен в постель. Я однажды читала книжку, где мальчик, который в детстве слишком много учился, заболел воспалением мозга; я ни разу не сталкивалась со случаями воспаления мозга *вне* литературы, но все равно тревожилась + предпочла бы, чтобы Л прекратил, но он рыдал, едва я пыталась прекратить. Поэтому я научила его прибавлять к числу 2, и он исписал примерами еще 20 листов миллиметровки: $2 + 2 = 4$, $3 + 2 = 5$.

Сколько ему было лет, спрашивает читатель. Кажется, года 3.

Теперь он поуспокоился: если можно покрыть расчетами 20 листов, к бесконечности не стремится. И таскать книги с полок ему больше не надо. Я научила его перемножать однозначные числа + он на 20 листах составляет таблицы умножения для 1–20. Понятия не имею, как заставить трехлетку заниматься этим, если он не хочет, и равно не имею понятия, как это прекратить, если он хочет, но после пары месяцев таких вот занятий уже легко было объяснить ему переменные + функции + дифференциалы. В общем, к 4 он читал по-английски + немного по-французски + покрывал 20 листов графиками для $x + 1$, $x + 2$, $x + 3$, $x + 4$, $x^2 + 1$, $x^2 + 2$ + т. д.

С год назад мне выдалась минутка перечитать 16-ю песнь «Илиады». Я печатала «Мелоди Мейкер» за 1976 год и добралась до интервью с Джоном Денвером²⁵, где певец объясняет:

Понимаешь, Крис... Я для себя понял, что такое успех, и успех для меня – это когда человек находит то, в чем может выразить себя, находит то, что делает его совершенным, и, занимаясь этим, служит другим людям. Если он нашел такое дело, он добился успеха.

И тут не важно, чем ты занят, – копаешь канавы, выдаешь книжки в библиотеке, работаешь на бензоколонке, избираешься президентом Соединенных Штатов, не важно: если делаешь то, что хотел делать, и приносишь некую ценность в чужие жизни, ты добился успеха как человек.

Так вышло, что в моей области, в шоу-бизнесе, успех много с чем сопряжен, но все это – деньги, слава, удобства, возможность путешествовать, повидать мир, все это – лишь глазурь на торте, а торт у всех одинаковый.

Недавний президент Соединенных Штатов говорил нечто подобное (как и Денвер, вправду приятный дядька), и поскольку без толку размышлять о том, как именно он приносил

²² «Черепаша Эртель» (*франц.*, ориг. назв. *Yertle the Turtle*, 1958), сказка Доктора Сьюза.

²³ «История Бабара» (*франц.*) – сказка (1931) французского писателя и иллюстратора Жана де Брюноффа.

²⁴ «Задиг, или Судьба» (*франц.*) – роман (1747) французского философа и писателя Вольтера.

²⁵ Джон Денвер (Генри Джон Дэйшендорф-мл., 1943–1997) – американский автор-исполнитель, особенно популярный в 1970-х, экологический активист.

ценность в чужие жизни, я решила, что пора прерваться и перечитать 16-ю песнь «Илиады». Я печатала уже часов пять или шесть – день пока что задался.

В 16-й песни убивают Патрокла – он идет в бой, надев доспех Ахилла, дабы приободрить греков + напугать троянцев, поскольку сам Ахилл воевать по-прежнему отказывается. Некоторое время Патрокл побеждает, но слишком увлекается; Аполлон поражает его + мутит ему очи + отнимает у него доспех + Патрокла ранит Евфорб + затем убивает Гектор. Я вдруг вспомнила, что Гомер обращается к Патроклу в звательном падеже + это очень трогательно. К сожалению, я не нашла «Илиаду, песни 13–24», нашла только «1–12» и решила почитать про Гектора + Андромаху в песни 6.

Как только я села, Л подошел и посмотрел в книгу. Все смотрел + смотрел. Сказал, что ничего тут прочесть не может. Это потому, сказала я, что тут по-гречески + другой алфавит + он сказал, что хочет научиться.

Только этого не хватало – учить греческому 4-летку.

Раздался глас Чужого + глас его был сладок, как мед. И молвил тот глас: Он же совсем маленький. Они столько времени торчат в школе – может, ему лучше поиграть?

Я сказала: Ага, еще успеет поскучать в классе со всеми остальными вместе.

Чужой сказал: Он только запутается! Ты подорвешь ему самооценку! Добрее ответить нет!

У Чужого длинная шея, похожая на угря, и рептильные глазки. Я обеими руками стиснула ему горло и сказала: Гори в аду.

Он закашлялся + сладко промурлыкал: Прости, что помешал. Сколь удивительно материнство! Столько времени на развитие младенца. Какая самоотверженность!

Я сказала: Закрой пасть.

Он сказал: Ссссссссссссссссссссссссс.

Я сказала: Рrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrr.

+ составила для Л табличку:

Α	Β	Γ	Δ	Ε	Ζ	Η	Θ	Ι	Κ	Λ	Μ
Α	Β	Γ	Δ	ε	ζ	ē	τх	и	к	л	м
α	β	γ	δ	ε	ζ	η	θ	ι	κ	λ	μ
а	б	г	д	е	з	ē	τх	и	к	л	м
Ν	Ξ	Ο	Π	Ρ	Σ	Τ	Υ	Φ	Χ	Ψ	Ω
Н	КС	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	ПС	ō
ν	ξ	ο	π	ρ	σ, ζ	τ	υ	φ	χ	ψ	ω
н	кс	о	п	р	с	т	у	ф	х	пс	ō

+ сказала: Это алфавит.

Он поглядел на табличку и поглядел в книжку.

Я сказала: Все очень просто. Видишь, многие буквы такие же – ты их уже почти знаешь.

Он поглядел на табличку, поглядел в книжку, поглядел на табличку.

Чужой сказал: Ему всего четыре года

Г-н Ма сказал: *Coupez la difficulté en quatre*

Я терпеливо сказала:

Я терпеливо сказала много чего, и мне терпения не хватит все это повторять. Я считаю, я не меньше других готова пострадать ради ближнего, и если б знала наверняка, что хоть 10 человек в этом году, в следующем или в ближайшее тысячелетие заинтересуются, как обучить четырехлетку греческому, надеюсь, мне хватило бы совести им объяснить. Но поскольку таких данных у меня нет, я лучше отложу объяснения. По-моему, Л слово за словом переписывает 5-ю песнь «Одиссеи» на розовые картотечные карточки.

* * *

«Одиссея», песнь 6.

* * *

«Одиссея», песнь 7.

* * *

Эмма сдержала слово, и я слово сдержала.

Летом 1985 года я пришла секретарем в маленькое лондонское издательство, выпускавшее словари и неакадемические научные труды. Там издавали словарь английского языка, впервые появившийся в 1812 году и выдержавший девять или десять переизданий, – продавался замечательно – и коллекцию технических словарей для носителей всяких других языков, продававшуюся недурно, а также шикарный словарь литературного бенгальского, с кучей иллюстраций и без никаких конкурентов на рынке – этот вообще почти не продавался. Еще была двухтомная история сахара, трехтомное исследование лондонских дверных молотков (приложение готовится к печати) и всевозможные другие книжки, у которых постепенно за счет сарафанного радио складывалась аудитория. Я не хотела быть секретарем + не очень-то рвалась в издательскую индустрию, но не желала возвращаться в Штаты.

Эмма оказалась немногим лучше Штатов. Она любила Америку, как викторианцы Шотландию, а французские импрессионисты Японию. Она любила бензоколонки «Эссо» на шоссе в луже света, и чтоб на ветру покачивалась красная вывеска «Кока-колы»; она любила мужчину на лошади, который просторечным внутренним монологом описывает волнующие пейзажи; она любила мужчину в шустрой машине на лос-анджелесской автостраде. Она любила книжки, которые меня заставляли читать в школе, она любила книжки, которых мы в школе не читали, потому что они могли задеть чувства новообращенных баптистов. Я не знала, что сказать.

Мне воображалось неброское меццо-тинто, на котором густой штриховкой и чуточкой ручного окрашивания изображалось некое место, где впервые приехавших европейцев опьянили цвета, и затем, сочиняя книгу, европейцы эти решили, что Великий каньон, или Столовая гора, или юг Тихого океана надлежит иллюстрировать цветной гравюрой, на которой ослепительный кобальт передан бледным до белизны голубым, кровавый кармазин и пурпур – бледным до белизны розовым, и такая бледная зелень и бледная желтизна и бледный-бледный розовато-лиловый, дабы в стакане воды читатель ощутил каплю настоящего виски. Про себя я

насмехалась над Эммиными сокровищами, но ведь это же глупо, на ум тотчас приходят другие образы, презрения не вызывающие, – черно-белое кино не показывает нам окружающий мир в цвете, и однако черно-белое кино мы не презираем. Проблема была в том, что, хотя дела обстояли лучше, чем в те времена, когда я читала книжки, на которые семьдесятю годами раньше люди протранжирили целые жизни, страсть готова была вцепиться в гриву первой же попавшейся идее и галопом ускакать прочь *ventre à terre*²⁶ – ах, как тихо, как спокойно некоторые умеют формулировать.

От припадков ярости и сардонических смешков в ожидании галопа *ventre à terre* я нервничала – проще было помалкивать или тихонько произносить банальности. Однако если человек очень умен и обаятелен, произносить банальности неохота, и стараешься сказать что-нибудь осмысленное, сохраняя между тем спокойствие и самоконтроль...

Как это поразительно, сказала я, что в Англии книги на английском + во Франции на французском, через 2000 лет это будет так же поразительно, как Страна Жевунов + Изумрудный город, а пока очень странно, что люди со всего мира съезжаются в одно место выводить нацию английских писателей + в другое – выводить писателей испанских, и это так грустно – наблюдать, как в литературе все языки растворяются в английском, который в Америке – язык забвения. Я утверждала, что тем самым искажается взаправдашнее прошлое, а европейский язык не может исказить европейскую страну, снимать Канзас нужно в черно-белой гамме, а для Страны Оз требуется «Техниколор», + более того (я пришпоривала свою идею рьянее, чем хотела, но останавливаться было поздно), это возмутительно, что люди, которые, в общем и целом, были самыми интересными героическими жестокими иммигрантами в литературе новой своей страны становятся лишь актерами которые говорят на ломаном английском или курсивом + в общем + целом их + их потомков полное незнание собственного языка + обычаев вообще не может быть выражено новым языком, который забыл, что ему было что забывать.

Эмма сказала: То есть ты считаешь, они должны быть не только по-английски.

Вот именно, сказала я. Как только понял – непонятно, почему раньше не сообразил.

Ну, сказала Эмма, говорят же, что будущее – за компьютерной версткой...

Хочешь, я напечатаю письмо на 100 слов за минуту? спросила я, поскольку у меня была работа. Письмо на 50 слов за 30 секунд? Письмо на 5 слов – за 3?

Я надеюсь, тебе не очень скучно, сказала Эмма.

Я сказала: Скучно!

Я понимаю, это не очень интересно, сказала Эмма.

Я хотела было ответить: Но абсолютно *завораживает*. Однако разум взял верх, и я сказала: Главное, что у меня есть шанс подумать, чем заниматься дальше.

Вот именно таких банальных и скучных замечаний я бы предпочла избегать при умном и обаятельном человеке, но Эмме, похоже, немало полегчало. Я сказала: Этого-то я и хотела. Все совершенно нормально.

Работа была совершенно нормальная, Эмма – умная и обаятельная, а я жила в Лондоне. Я попыталась последовать примеру Рильке, но задача оказалась нелегкой. И дело даже не в преклонении пред чьими-то работами: Рильке преклонялся перед Сезанном, но Сезанну секретарь был без надобности, во всяком случае – платный секретарь. Мне не нравилась идея работать на Родена, чтобы преклоняться перед Сезанном; по-моему, если являешься к человеку под дверь, хорошо бы хоть преклоняться перед его работами.

Иногда я каталась на метро по Кольцевой и читала книжку по органической химии, иногда «Положитесь на Псмиа» в 20-й или 21-й раз, иногда смотрела прекрасного и нелепого

²⁶ Во весь опор (*франц.*).

Шерлока Холмса в исполнении Джереми Бретта²⁷, а иногда, конечно, «Семь самураев». Иногда ходила в «Жареных кур Теннесси».

День проходил за днем. Миновал год.

* * *

«Одиссея», песнь 8.

* * *

«Одиссея», песнь 9, и по ходу дела спрашивает каждое слово. Даже на карточки не записывает. Прекрасно, что ему нравится сюжет.

* * *

Как-то раз в июне 1986-го я пришла в контору, а там у всех нервы на пределе. Нашу компанию сожрали с потрохами, и покупатель заверил всех, что издательство сохранит независимость. Это злое объявление трактовали так: скоро все вы станете лишними людьми.

Издательство купила крупная американская компания – она публиковала множество писателей, которых у нас в конторе нежно любили. Через несколько недель в честь слияния намечался большой прием.

Эмма раздобыла мне работу и разрешение на работу + теперь раздобыла мне приглашение на прием.

А надо сказать, что эта новая компания публиковала не только множество американских писателей, которых любили у нас в конторе, но также Либераче, и приглашали меня отчасти из любезности, и одна из причин всеобщего восторга, одна из причин моего нежелания туда идти заключалась в том, что, по слухам, на приеме будет Либераче. Под Либераче я, естественно, подразумеваю не популярного пианиста, который прославился фразой «и всю дорогу до банка плакал», не любил ни одной женщины, кроме своей матери, и в середине 80-х умер от СПИДа²⁸. Я подразумеваю известного британского писателя и путешественника, чья методика дала бы фору всенародно любимому музыканту.

Музыкант Либераче ужасно техничен и ужасно искренен; что бы он ни играл, он играет со всей душой, и «Польку пивной бочки», и «Я снова увижу тебя»²⁹, и на грустных песнях из-под слюез туши выползает слеза и плюхается на фальшивый брильянт на бархатном пиджаке, и кольца на пальцах сверкают, прыгая по клавишам, и в тысяче зеркал он видит слезу, и тушь, и кольца, видит, как видит тушь, кольца, слезу. У Либераче (писателя) все это тоже есть: скользкие замасленные арпеджио, самолюбование виртуоза, ловкие руки, отягощенные кольцами, сверкают по-над клавишами, профессиональная искренность, умеющая выразить цинизм + сентиментальность, порнографичность, даже отчуждение + невыразительность. И однако он

²⁷ Английский актер Джереми Бретт (Питер Джереми Уильям Хаггинс, 1933–1995) сыграл Шерлока Холмса в 41 эпизоде телесериала Майла Кокса «Шерлок Холмс» (*The Adventures Of Sherlock Holmes; затем Sherlock Holmes*, 1984–1994) телекомпания *Granada Television (ITV Granada)*.

²⁸ Либераче (Владзю Валентино Либераче, 1919–1987) – американский пианист и певец; фразой «и всю дорогу до банка плакал» он саркастически описывал свою реакцию на критику.

²⁹ «Полька пивной бочки» (*Beer Barrel Polka*, в ориг. *Škoda lásky*, 1927, 1934) – полька чешского композитора Яромира Вейвоты, изначально на слова Вацлава Земана, затем с английским текстом (1939); в период Второй мировой войны была перепета на многих языках; была коронным номером Либераче. «Я снова увижу тебя» (*I'll Be Seeing You*, 1938) – песня Сэмми Фэйна на стихи Ирвинга Кахала, джазовый стандарт, популярный в годы Второй мировой; Либераче завершал ею каждый выпуск своей телепрограммы 1950-х *The Liberace Show*.

был не в точности как пианист, поскольку он, хоть и поистине обладал эмоциональными талантами музыканта, таланты технические умел лишь проецировать, ибо даже замасленное арпеджио – вопрос не быстроты рук, бегающих туда-сюда по клавишам, но

Л осведомляется, что такое βίηφιv. Я отвечаю, что он и сам прекрасно знает, + он говорит, что не знает.

Сначала (это я объясняла, что βίηφιv – творительный падеж βίη, то есть силой, насильно) я думала, что этот писатель – как будто человек, который, печатая, попадает на клавишу правее или левее, чем надо, и оттого внятное предложение адркг мтпноаттмч нннчтнви тлт ростп нннчтнви и чем бвмтрнн ты рнспипнгтЮ ини зкдн (ψηλαφών – это, можно фразу посмотреть? это щупать или нащупывать), я так и видела руки Либераче, как они стремительно + уверенно бегают по клавиатуре, нажимают клавиши, то черные, то белые. Сейчас я думаю (насколько в состоянии человек думать, работая говорящим словарем), что и это не совсем верно, потому что Либераче, конечно, усеивал свои труды ошибками, но то были не такие ошибки (πετάσας значит распространявшийся, это аорист и причастие действительного залога от πετάνυμι), которые пропускаешь, или точнее (ты прекрасно знаешь, что такое ὕφαινον Нет не знаю Это значит плести а какая это форма 1-е лицо единственного числа имперфекта Хорошо) не в том дело, что он их пропускал (ἄρσενες это мужчины), а в том, что он самодовольно глядел на них в упор (погоди минутку). Задыхаясь от обожания, Либераче набивал свои книги зияющими аргументами и скособоченными образами, отступал на шаг, скрещивал руки, точно Эд Вуд над покосившимися надгробиями и примятой травой³⁰ (минутку погоди). Он сам замечал, ему было все равно? Я думаю, ему нравилась концепция непринужденного мастерства, +, будучи не в силах сочетать эти два понятия, он удовольствовался тем, в котором мог не сомневаться (δασυμαλλοι – густошерстый, ἰοδνεφές – темный, λίγοισι – лозы, лоза, ивовый прут, λέλωρ – ты знаешь, что такое λέλωρ Нет не знаю Нет знаешь Не знаю Знаешь Не знаю Знаешь Не знаю Знаешь Не знаю Не знаю Не знаю Не знаю Не знаю Это значит чудовище Я так и думал – Неудивительно, что я втыкаю булавки в отца этого ребенка). Этот человек научился писать прежде, чем научился думать, этот человек сыпал ложными доводами, точно канцелярскими кнопками из машины, увозящей грабителей прочь от банка, и ему это всегда всегда всегда сходило с рук.

* * *

«Од.», песнь 10.

* * *

«Мет.», песнь 1.

* * *

1-я Самуила. 1? [Уж сколько лет не перечитывала.]

* * *

1-я Самуила. II–V? (Блин.)

³⁰ Имеются в виду кадры из фантастического триллера американского режиссера Эдварда Д. Вуда-мл. (1924–1978) «План 9 из открытого космоса» (*Plan 9 from Outer Space*, 1959): в сценах на кладбище при съемках использовались картонные надгробия.

* * *

Сколь это странно, что Шёнберг впервые опубликовал *Harmonielehre*³¹ в 1911 году, за год до того, как Рёмер явил миру свои *Aristarchs Athetesen in der Homerkritik*. Шёнберг, у которого была жена и двое детей, еле сводил концы с концами, преподавал музыку + писал портреты. Рёмер, по-моему, работал в Лейпцигском университете. Коллеги Рёмера могли бы обратить его внимание на противоречие; я могла бы блестяще выучить немецкий + потратить на его труд полчаса; я могла бы угробить на него 50 часов спустя неделю – и Людовитикус не утирал бы сейчас нос г-ну Ма, осваивая по 500 простых задач ежедневно. Атомы, сегодня направляющие розовый маркер «Шван-Штабило» к 10-й песни «Одиссеи», занимались бы чем-нибудь другим, как и я, + кто его знает, может, этот мир недосчитался бы Эйнштейна? Однако тактичные коллеги, дурной немецкий и неудачный выбор момента сговорились и дали мне пинок под зад, лишив академической карьеры и не произведя ни малейшего эффекта на «Шван-Штабило» и 10-ю песнь «Одиссеи»: озабоченный финансовыми неурядицами Шёнберг мог бы написать глупую книжку. Или умную, а я в день приема могла бы пойти и купить себе платье.

В день приема я в обед пошла в Ковент-Гарден за платьем и по пути в «Буль» решила заглянуть в книжный и т. д. Так вышло, что я забрела в музыкальный отдел, и так вышло, что там я отыскала «Учение о гармонии» Шёнберга.

Когда не ладились дела, отец говорил, что человек таскает судьбе каштаны из огня. По-моему, примерно это он и имел в виду.

Едва взяв книгу с полки, я поняла, что не смогу ее не купить, а едва купив, начала читать.

Шёнберг доказывал, что музыка должна развиваться, исходя из понятий о гармонии либеральнее нынешних, а затем, возможно, появится музыка с расширенным диапазоном нот (и, скажем, между до и до-диезом будут еще четыре дополнительные ноты). Писал он так:

Совершенно ясно, что, обертоны, приведшие нас к 12-частной простейшей гармонии, октаве, в конце концов приведут и к дальнейшей дифференциации этого интервала. Будущим поколениям наша музыка покажется неполной, поскольку она не целиком постигла всего, что сокрыто в звуке, – так музыка, не делящая звук в пределах октавы, представляется неполной нам. Приведем аналогию – каковую нужно тщательно продумать, дабы понять, сколь она уместна: наша музыка в будущем лишится глубины, перспективы – так, к примеру, в сравнении с нашей живописью нам кажется примитивной японская, поскольку без перспективы она лишена глубины. Эта [перемена] неизбежна, пусть произойдет она не тем манером, какого ожидают некоторые, и не так скоро. Произойдет она не рационально (aus Gründen), но стихийно (Ursachen); принесена будет не снаружи, но изнутри. Она случится не через копирование некоего прототипа, не как техническое достижение, ибо гораздо теснее связана с разумом и духом (Geist), нежели с материальным, и Geist должен быть готов.

Я, пожалуй, в жизни своей не слышала ничего гениальнее. Замечание про японскую живопись, само собой, неверно – едва я прочла, перед глазами возникли «Гречанки, играющие в мяч» лорда Лейтона, античный пейзаж, развевающиеся одежды, девушки и безукоризненная, мастерская даже работа с перспективой; едва представив их, я засмеялась, до того пустым,

³¹ «Учение о гармонии» (нем.).

поверхностным, более того – неумелым показалось мне это полотно в сравнении с (допустим) гравюрой Утамаро³². Но ключевой довод – абсолютно гениальный.

До этой гениальной работы я думала, что книги должны быть как фильм «Крестный отец», в котором, когда Аль Пачино приезжает на Сицилию, все итальянцы говорят по-итальянски. Теперь я поняла, что это слишком упрощает картину.

Утверждая, что в книге итальянцы должны говорить по-итальянски, поскольку так они поступают в реальном мире, а китайцы должны говорить по-китайски, потому что китайцы говорят по-китайски, – довольно наивный взгляд на произведение искусства, все равно что картину так рисовать. Небо синее. Покрасим небо синим. Солнце желтое. Покрасим солнце желтым. Дерево зеленое. Покрасим дерево зеленым. А ствол какой? Коричневый. Каким, значит, цветом красим? Бред. Даже если отбросить абстрактную живопись, правда скорее в том, что художник воображает плоскости, которые хочет изобразить, и свет и линии и соотношение цветов и склонен обращать внимание на объекты, которые можно изобразить с такими вот параметрами. И композитор тоже чаще всего не думает о том, что ему хочется имитировать такой или сякой звук, – он хочет текстуру фортепиано со скрипкой, или фортепиано с виолончелью, или четыре струнных инструмента, или шесть, или симфонический оркестр; он думает о соотношениях нот.

Для художника и музыканта все это – банальное общее место, и однако языки планеты – точно горки синего, красного, желтого пигмента, который никто не использует, – но если использовать их в книге так, чтобы англичане говорили по-английски + итальянцы по-итальянски, выйдет глупость, как требовать, чтобы солнце покрасили желтым, потому что солнце желтое. Читая Шёнберга, я решила, что с писателями грядущего дело будет обстоять так: они не обязательно станут говорить, мол, я пишу об армянском дедушке чешской бабушке молодом байкере из Канзаса (чешско-армянского происхождения), армянский чешский английский нормально. Они постепенно дорастут до других областей искусства, которые гораздо развитее. Скажем, писатель подумает про односложность и отсутствие грамматических падежей в китайском, о том, как все это будет сочетаться с красивыми и длинными финскими словами с кучей двойных согласных и длинными гласными 14 раз подряд или красивыми венгерскими, где сплошь префиксы суффиксы, + сначала подумав об этом, он сочинит историю о каких-нибудь венграх и финнах с китайцами.

Идея – это просто мысль, не приходившая в голову раньше, и полдня в голове у меня звучали обрывки книжек, которые могут появиться через триста или четыреста лет. В одной персонажами были Хаккинен, Хинтикка и Ю, действие происходило, условно говоря, в Хельсинки – на снежном фоне с черными еловыми лесами, черное небо + ослепительные звезды повествование или может диалог с номинативом генитивом партитивом эссивом инессивом адессивом иллативом аблативом аллативом и транслативом, люди желают доброго дня *Huvää päivää* и случится допустим автокатастрофа чтобы можно было вставить слово *tieliikenneonnettomuus*³³; а потом у Ю в уме – китайские иероглифы, например Черный Ель Белый Снег, полный восторг.

Я не хотела идти на прием, а в этом обезумевшем состоянии и подавно не хотела, но решила, что так выйдет грубо, мне же приглашение раздобыли из любезности, и я подумала, что зайду на 10 минут, а потом уйду.

Я пошла на прием. Как водится, спланировать уход через 10 минут оказалось гораздо легче, нежели через 10 минут уйти, и вместо того, чтоб сочинить предлог и уйти через 10 минут, я то одному собеседнику, то другому рассказывала про гениальное «Учение о гармонии». Кто его выпустил, спрашивали они, «Фабер», отвечала я, и они говорили А. Одни не

³² Китагава Утамаро (Китагава Нобуёси, 1753–1806) – японский художник, один из крупнейших представителей жанра

³³ Дорожно-транспортное происшествие (*фин.*).

заинтересовывались, и я, естественно, меняла тему, но другим становилось интересно, и я тему не меняла и в итоге проторчала там три часа.

Шёнберг говорил так: Гамма – не последнее слово, не конечная цель музыки, скорее условный привал. В последовательности обертонов, которые привели к ней наш слух, есть проблемы, и на них нужно обратить внимание. А если мы пока умудряемся избегать этих проблем, то виноват тут всего лишь компромисс между естественными интервалами и нашей неспособностью их использовать – компромисс, который мы зовем темперированной системой, каковая равна бесконечно продлеваемому перемирию

+ в голове у меня звучали языки, составляющие как будто квинтовый круг, я видела языки с оттенками других языков, как цвета у Сезанна – у него нередко зеленый с оттенком красного красный с оттенком зелени, в голове у меня возник сияющий натюрморт, как будто картина английского языка с французскими словами французского с английскими немецкого с французскими + английскими японского с французскими английскими + немецкими словами – я как раз собралась уходить и тут познакомилась с человеком, который, похоже, знал о Шёнберге немало. Из-за слияния он потерял прошлую работу, теперь его приговор уже проступал письменами на стене, так что он был довольно расстроен и все равно принялся рассказывать мне про оперу «Моисей и Аарон».

Он сказал Вы же, конечно, понимаете, о чем она

+ я сказала Ну, наверное

+ он сказал Нет, музыкально, музыкально она о + он помолчал + сказал в этой опере Моисей обращается напрямую к Богу и эти фрагменты не поет – это Sprechgesang³⁴ речь резкая речь под музыку и ее не понимают дети Израилевы; Моисею приходилось говорить с ними через Аарона, а Аарон – оперный тенор, прекрасная лирическая партия, но ведь это Аарон придумывает Золотого Тельца, он сам не понимает...

Я сказала какая отличная концепция для оперы обычно оперные сюжеты надуманы и неестественны

+ он сказал что ему это как раз нравится но да отличная концепция, и пустился рассказывать мне очень сдержанно, очень по-британски, ужасную историю об этой опере, которую он называл величайшей потерянной работой XX столетия. Первые два акта Шёнберг почти дописал между 1930-м и 1932 годом; потом к власти пришли нацисты, и в 1933-м ему пришлось уехать, и это сильно его подкосило. Он поехал в Америку, подавал заявки на гранты, чтобы продолжать работу над оперой, но фондам атональная музыка не нравилась. И Шёнберг, чтобы прокормить семью, пошел преподавать, вернулся к тональным композициям, чтобы обосновать заявки на гранты, и все время, что не тратил на преподавание, тратил на тональную музыку. Прошло восемнадцать лет, а он так и не написал третий акт «Моисея и Аарона». С приближением смерти он решил, что, пожалуй, слова можно читать, а не петь.

Он сказал: Он, конечно, был довольно трудный персонаж

+ и вдруг прибавил – Вы меня простите? Мне надо поговорить с Питером, пока он здесь.

И он отошел, и лишь когда он отошел, я поняла, что не задала самый важный вопрос, а именно: Слышим ли мы Бога?

Я помялась и побрела за ним, но он уже окликал Питер!

+ Питер сказал Джайлз! Как я рад! Ты держишься?

+ Джайлз сказал Увлекательные времена.

В общем, вмешиваться было не с руки. Я непринужденно влилась в стайку людей поблизости.

Питер что-то сказал и Джайлз что-то сказал и Питер что-то сказал и Джайлз сказал Господи боже конечно нет наоборот и говорили они довольно долго. Проговорили с полчаса и

³⁴ Речитатив (нем.).

вдруг замолчали, и Питер сказал Ну, сейчас вряд ли а Джайлз сказал Да уж, и они снова замолчали и не сказав больше ни слова удалились.

Я собиралась уйти через 10 минут; пора было уходить. Но тут в дверях загалдели, и вошел Либераче – улыбается, чмокает женщин в щечку и перед всеми извиняется, что так опоздал. Люди поблизости от меня, видимо, были с ним знакомы и теперь ловили его взгляд, а я поспешно пробормотала что-то насчет попить и удрала. Я боялась идти к двери, потому что опасалась, как бы кто в знак особой любезности не познакомил меня с Либераче, но у шведского стола вроде было безопасно. В голове все мелькали фразы из Шёнберга. Я тогда еще не слышала его музыки, но книга о гармонии казалась взаправду гениальной.

Я стояла у стола, жевала сырные палочки и временами косилась на дверь, но Либераче, хотя и постепенно продвигался внутрь, по-прежнему был между мной и выходом. Ну, и я стояла, размышляла об этой гениальной книжке, думала, что надо бы купить пианино + вскоре ко мне приблизился не кто иной как Либераче.

Он сказал Вы правда так скучаете и расстроились как это у вас на лице написано?

Трудно придумать ответ, который не будет грубым, кокетливым или же грубым и кокетливым.

Я сказала Я на вопросы с подвохом не отвечаю.

Он сказал Я без подвоха. У вас такое лицо, как будто вам все надоело.

Я сообразила, что, увлекшись сочинением ответа, думала о вопросе, а не о вопрошающем. Есть люди, которые понимают, что пока не узнаешь, насколько скучающее и расстроенное у тебя лицо, неоткуда знать, как соотносятся твои переживания и твоя наружность, но в своих работах Либераче доказал, что логика ему неведома, и высока ли вероятность, что в светской беседе на приеме восторжествует могущество его рассудка? Невысока.

Я сказала Я подумывала уйти.

Либераче сказал Вам и впрямь надоело. Не могу вас упрекнуть. На приемах всегда тоска смертная.

Я сказала, что не бывала раньше на приемах.

Он сказал Я и подумал, что раньше вас не видел. Вы из «Пирса»?

Я сказала Да.

Тут меня осенило. Я сказала, что работаю на Эмму Рассел. У нас в конторе все были так счастливы, когда узнали, что вы придете. Давайте я вас познакомлю?

Он сказал Ничего, если я откажусь?

И улыбнулся и сказал Я тоже подумывал уйти и тут увидел вас. Горе беду всегда найдет, сами знаете.

Я ничего такого не знала, но ответила Говорят.

И прибавила Если мы уйдем, у нас уже не будет ни горя, ни беды.

Он спросил Где вы живете? Может, я вас подвезу?

Я сказала, где живу, и он ответил, что ему почти по дороге.

Тут я запоздало сообразила, что надо было сказать, мол, меня не надо подвозить, и запоздало сказала, а он ответил Нет, я настаиваю.

Я сказала Да все нормально, а он ответил Не верьте слухам.

Мы пошли по Парк-лейн, а потом по всяким другим улицам Мейфэра, и Либераче говорил то и это, и все звучало так, будто он нарочно кокетничает и ненароком грубит.

Я вдруг сообразила, что если б у китайцев были японские иероглифы, я бы знала, как написать Белый Дождь Черный Дерево! Я предварительно сунула это в голову Ю и расхохоталась, а Либераче спросил Что смешного. Я сказала Ничего, а он ответил Нет, расскажите.

И в отчаянии я наконец сказала Знаете Розеттский камень.

Что? сказал Либераче.

Розеттский камень, сказала я. По-моему, нам нужно еще таких.

Он сказал Вам одного мало?

Я сказала Я о том, что Камень – это, конечно, очень вычурная штука, но он был даром будущим поколениям. На нем иероглифы, демотическое письмо и греческий, и чтобы все они были понятны, достаточно выжить одному языку. Может, когда-нибудь английский станет подробно изученным мертвым языком; надо это использовать, чтобы сохранить для будущих поколений и другие языки. Можно взять Гомера, и перевод, и маргиналии про лексику и грамматику, и тогда, если через 2000, скажем, лет откопают только эту книгу, тогдашние люди смогут прочесть Гомера, или еще лучше, можно распространить этот текст как можно шире, дать ему больше шансов выжить.

Надо сделать вот что, сказала я, принять закон, чтобы в каждой опубликованной книге обязательно была бы страница, скажем, из Софокла или Гомера в оригинале, и если купишь роман в аэропорту, а самолет упадет, тебе будет что перечитывать на необитаемом острове. И тут ведь что прекрасно – люди, которым греческий навяз в зубах в школе, получают еще один шанс, мне кажется, их отталкивает алфавит, но что тут трудного, если ты его выучил в шесть лет? Не такой уж сложный язык.

Либераче сказал Вы как закусите удила – так сразу и в галоп, а? То вы тише воды ниже травы, слова из вас не вытянешь, а потом вдруг раз – и не замолкаете. Очень обаятельно.

Я не знала, что сказать, и после паузы он спросил Ну и что тут смешного?

Ничего, сказала я, и он сказал А, понятно.

После паузы я спросила, где его машина. Он ответил, что должна быть здесь. Сказал, что ее, наверное, эвакуатор уволок, и давай ругаться Сволочи! Сволочи! а затем рявкнул, что придется, значит, подземкой.

Я дошла с ним до подземки, а на его станции он сказал, что я должна пойти к нему, чтоб он не думал про машину. Сказал, что я не представляю, какой это кошмар, пойти на прием, вот как сегодняшней, откуда мы ушли, а потом узнать, что это стоило тебе фунтов пятьдесят плюс чистый ужас поездки за машиной в Вест-Кройдон или куда там их свозят. Я как-то посочувствовала. Вышла из поезда, чтобы продолжить разговор, а потом вышла из подземки и зашагала с Либераче по улицам к нему домой.

Мы поднялись по лестнице и зашли, и Либераче озвучивал небольшое такое монологическое попурри о машинах, эвакуаторах и колесных зажимах. Импровизировал на тему стоянки для эвакуированных машин. Импровизировал на тему чиновников, которые препятствуют попыткам забрать машину назад.

Говорил он примерно так же, как писал: быстро, нервно, был одержим желанием изобразить одержимое желание понравиться, и то и дело повторял Ох господи я столько болтаю вам скучно вы сейчас меня бросите оставите тут одного киснуть понимаете я сам не считаю свою машину то есть если б вы ее увидели вы бы поняли что я и не могу ее считать фаллическим символом но ведь так принято считать правда и тут есть какой-то смутно ужасный символизм ну сами посудите если ее эвакуируют ровно когда предлагаешь подвезти то есть вы наверное думаете что это все банально и не могу не согласиться но блин, и он говорил Скажите, если заскучаете. Люди, с которыми мне не было скучно, никогда не спрашивали, не скучаю ли я, и я не знала, что тут ответить, или, говоря точнее, ответ тут может быть один, и это ответ Нет, и я сказала Нет-нет, что вы. Решила, что лучше сменить тему, и попросила чего-нибудь глотнуть.

Он принес из кухни стаканы, говорил о том о сем, показывал мне сувениры из своих поездок, отпускал замечания, то циничные, то сентиментальные. У него был новый компьютер, «Эмстрад 1512», с двумя 5-дюймовыми дисковыми, 512 Кб оперативки. Он сказал, что поставил себе «Нортон-Утилиты», чтобы в файлах не путаться, включил и показал, как эти «Нортон-Утилиты» работают.

А греческий они умеют? спросила я. Он сказал, что вряд ли, и я не стала спрашивать, что они умеют еще.

Мы сели и, к своему ужасу, я увидела на столике новенькое издание лорда Лейтона.

Под лордом Лейтоном я, естественно, подразумеваю не поздневикторианского художника-эллиниста, автора «Сиракузской невесты во главе процессии диких зверей» и «Гречанок, играющих в мяч», а его духовного наследника, живописного американского писателя. Лорд Лейтон (художник) писал сцены античности, в которых по холсту разбредались удивительные препоны драпировок, в своих странствиях мешкавшие разве только для того, чтобы скромно прикрыть очередную наемную модель из театральной школы Тайрона Пауэра³⁵. Грех его был не в недостатке мастерства; на эти полотна в их безупречности неловко смотреть, потому что они догола раздевают душу создателя. И лишь перо писателя лорда Лейтона умело отдать должное кисти художника лорда Лейтона, ибо даже крайнее волнение лорд Лейтон (писатель) низводил до безвоздушного беззвучного неторопливого и каждое слово у него расцветало поскольку у каждого слова впереди была вечность цветения и только величайший Мастер в силах подарить цветение слову позволить непристойному порыву осознать свою наготу и с благодарностью прикрыться фиговым листочком что валяется поблизости и в конце концов вся страсть в безвоздушности и беззвучии и отсутствии торопливости пристойно утопает в медленной смерти движения в вечном застое: любой персонаж у него взглядывал, шагал, заговаривал, волоча за собой шикарный словесный шлейф, что обволакивал бедные его глупые мысли и в прекрасной неге распускался в неподвижном бездыханном воздухе.

Либераче перехватил мой взгляд и спросил Любите его и я сказала Нет а он сказал Но он ведь замечательный.

Он взял книгу и стал читать одну очаровательную фразу за другой...

+ в отчаянии я сказала Очень красиво, так говоришь Погляди, какое перышко! Погляди, какой бархат! Погляди, какой мех!

Разумеется, я часто думаю, что хорошо бы попросить у Либераче денег для Людо, а порой думаю, что дело даже не в деньгах, все равно надо бы сообщить Либераче. И думая об этом, я вспоминаю этот наш разговор и просто-напросто не могу.

Я говорила Но он как будто играет на фортепиано битловское «Вчера» с брамсовским размахом и сочностью и тем самым ненавязчиво отбрасывает самую суть песни, все равно что оркестру Перси Фейта играть «Удовлетворение» «Роллингов»³⁶

а он отвечал Ты вот это послушай

и зачитывал фразу, которая была как «Вчера» с брамсовскими гармониями или как будто оркестр Перси Фейта играет «Удовлетворение» по особому заказу

и я говорила Но он как будто так медленно играет первую часть «Лунной сонаты», что все время ошибается, и его ложные доводы лезут на глаза, потому что ему так охота время потянуть

а Либераче отвечал Но ты вот это послушай

и зачитывал очаровательную фразу, под завязку набитую ложными доводами

и я говорила Или даже как будто он играет третью часть «Лунной сонаты», ослепительно виртуозно + совершенно наплевав на музыку, Шнабель учитель когда-то сказал, что Шнабель музыкант, а пианистом ему не быть³⁷ + у этого писателя ровно наоборот

а Либераче отвечал Да, но ты вот это послушай

³⁵ Тайрон Эдмунд Пауэр-мл. (1914–1958) – американский актер театра и кино; снимался главным образом в амплуа героев-любовников, обычно искусно владеющих шпагой.

³⁶ «Вчера» (*Yesterday*, 1965) – акустическая баллада Пола Маккартни, вышла на альбоме «Битлз» *Help!*, одна из самых известных песен группы. Перси Фейт (1908–1976) – канадский композитор, аранжировщик, руководитель оркестра, популяризатор легкой музыки как жанра. «Удовлетворение» (*[I Can't Get No] Satisfaction*, 1965) – песня Мика Джаггера и Кита Ричардса, вышла синглом, а затем на альбоме «Роллинг Стоунз» *Out of Our Heads*.

³⁷ Артур Шнабель (1882–1951) – австрийский классический пианист и композитор; приведенная оценка принадлежала его учителю, польскому пианисту и педагогу Теодору Лешетицкому (1830–1915) и побудила Шнабеля не стремиться к виртуозности ради виртуозности, а серьезно заниматься серьезной музыкой.

и зачитывал фразу, которую сотворил глупый виртуоз

и он, по-моему, вообще не понимал, о чем я говорю. Лорд Лейтон то, сё и это + и он как будто наваливал матрасы на галечном пляже + я как принцесса + горошина, я не собиралась выступать про английский + американский роман, чтобы оценили мое обаяние, так что я прихлебывала из стакана, а Либераче, дочитав, еще порассуждал о лорде Лейтоне.

Вы поймите, я уверена или, говоря точнее, у меня нет причин сомневаться, что, расскажи я Либераче о Людо, Либераче поступил бы как порядочный человек. И все же... Известно, что 99 из 100 взрослых людей 99% времени не утруждают себя рациональным мышлением (исследования этого не доказывают, я сама выдумала статистику и зря сказала «известно, что», но я удивлюсь, если подлинные цифры окажутся иными). В менее варварском обществе дети не оказывались бы экономически абсолютно зависимы от иррациональных существ, чьим заботам препоручила их судьба: им бы за посещение школы выплачивали приличную почасовую. Однако мы в столь просвещенном обществе не живем, у нас любой взрослый, особенно родитель, обладает ужасной властью над ребенком – и как я могу отдать эту власть человеку, который... иногда мне кажется, что могу, один раз я даже взяла телефонную трубку, но потом подумала и просто-напросто не смогла. Представила, как опять услышу его слепое мальчишеское восхищение пред очаровательной глупостью, его неколебимую верность принципу «должен – значит, не можешь»³⁸, и просто-напросто не смогла.

Либераче все говорил, говорил и говорил. Мы выпивали и выпивали. Либераче говорил все больше, больше и больше и все чаще и чаще спрашивал, не заскучала ли я с ним, и в результате уйти становилось все невозможнее и невозможнее, потому что если я с ним не заскучала, с чего бы мне уходить?

Тут я подумала: должен же быть еще какой-то способ устроить так, чтоб не пришлось все это слушать, и способ, конечно, был. Либераче ведь привел меня сюда, чтоб закадрить, так? Закрывать ему рот ладонью будет грубо, но если закрыть ему рот губами, он тоже замолчит, а я не нагрублю. У него были большие глаза, точно прозрачное бутылочное стекло, очерченные черным, как у ночного зверя; если его поцеловать, решила я, не придется больше его слушать, и вдобавок я приближусь к этому прекрасноголазому зверю.

Он что-то сказал, замолчал, и не успел он заговорить вновь, я его поцеловала, и тотчас наступила блаженная тишина. Было очень тихо, только Либераче глупо хихикнул, но хихиканье потом прекратилось, а его монологу не было конца.

Я еще не протрезвела и все размышляла, как бы поступить и обойтись при этом без непростительной грубости. Ну, подумала я, можно с ним переспать, это не будет грубо, и когда он расстегнул на мне платье, откликнулась как подобает.

Большая ошибка.

* * *

Воет ветер. Льет холодный дождь. Под яростным ветром и ливнем хлопает оберточная бумага на окне.

Мы сидим в спальне, смотрим шедевр современного кинематографа. С утра я три часа просидела за компьютером + с поправкой на вмешательства печатала часа полтора. В конце концов сказала, что иду наверх смотреть «Семь самураев» + Л сказал, что тоже хочет. Л прочел песни 1–10 «Одиссеи»; историю про циклопа перечитал шесть раз. Еще он прочел про

³⁸ В противоположность этическому принципу, который не раз формулировал немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804): «должен – значит, можешь»; принцип означает, что если моральный долг побуждает человека совершить некий поступок, логика диктует, что человек на этот поступок способен. Напр.: «Тем не менее долг повелевает ему безусловно: он должен оставаться ему верным; и отсюда он справедливо заключает: он необходимо должен также и мочь это» (Иммануил Кант. «Религия в пределах только разума» [1793]. Пер. Н. Соколова и А. Столярова).

Синдбада-морехода, три главы «Алгебры по-простому», и несколько страниц из «Метаморфоз» и из «Калилы и Димны» и из 1-й книги Самуила – по какой-то системе, которой я не понимаю, и на каждой книге он засыпает меня вопросами.

Я знаю – во всяком случае, говорю себе, – что лучше так, чем японский (поскольку сейчас я хотя бы на 80% вопросов знаю ответы), + я помню, что сама ему велела. «Илиаду» он читал год – уж не знаю, откуда мне было знать, что 10 песен «Одиссеи» он осилит за три недели.

Я тут вспомнила, что в Книге Ионы всего четыре страницы. Вопросы про иврит – наверняка не так страшно, как про японский. Может, еще не поздно сказать, что вообще-то я имела в виду Иеремию.

Надо печатать «Рыбалку для профи», ее ждут к концу недели, но, по-моему, важно сохранить рассудок. Это обманчиво выгодное предприятие – печатать, пока не озвереешь по вине безвинного дитяти.

В интересах того же рассудка я несколько дней ничего не писала для потомков. Писать мне довольно уныло – пока писала про Моцарта, вспомнила вдруг, как моя мать наяривает песню Шуберта и говорит дяде Бадди, Господи, Бадди, да что с тобой такое, ты поешь, как бухгалтер какой, и, хлопнув крышкой, вылетает из очередного отцовского недостроенного мотеля + мчится прочь по шоссе, а дядя Бадди тихонько насвистывает мелодийку + почти ничего не говорит. И что толку об этом помнить?

Потом я вспомнила где-то вычитанный бесценный совет: Долг матери – не унывать. Мой материнский долг – не унывать + очевидно, что мой долг – смотреть работу гения + бросить «Рыбалку для профи» + сочинительство.

Камбэй – самурай 1. Он вербует остальных.

Одного самурая он находит на улице. Велит крестьянину Рикити его привести. Велит Кацусиро встать за дверью с палкой и ударить. Сам сидит внутри и ждет.

В дверь заходит самурай, вырывает у Кацусиро палку, бросает его на пол. Камбэй рассказывает ему, в чем дело; самурая неинтересно.

Камбэй выбирает другого самурая.

Кацусиро стоит за дверью с палкой. Камбэй сидит и ждет.

2 подходит к двери. Он сразу разгадывает фокус; стоит на улице и смеется.

Горобэй понимает, что крестьянам нелегко, но соглашается не поэтому. Он соглашается из-за Камбэя.

Я говорю Л: Куросава получил приз за предыдущий фильм, «Расёмон», про женщину, которую насилует бандит; там одну историю рассказывают 4 раза + всякий раз, когда ее кто-нибудь рассказывает, она разная, но здесь еще сложнее, здесь Куросава рассказывает историю единожды, но ты видишь ее примерно с 8 точек зрения, и надо все время смотреть внимательно, чтобы понять, где правда, а где кто-то лишь утверждает, будто это правда.

Он говорит: Угу. Он вполголоса бормочет обрывки японских слов + вслух читает субтитры.

3 не нужно проходить проверку. Ситиродзи – старый друг Камбэя. Камбэй думал, что Ситиродзи погиб.

Горобэй находит 4 – тот за еду рубит дрова. Хэйхати – так себе фехтовальщик, зато умеет развеселить компанию.

Камбэй и Кацусиро видят двух самураев – те обдирают бамбуковые палки, собрались драться.

первый глагол, все же другие, за ним следующие, ставятся в форме времени прошедшего несов.; и наоборот, при последовательном повествовании о событиях, представляемых в будущем, в форме прош. несовершенного (т. е. будущего) ставится только первый глагол, все же другие ставятся в форме времени прош. соверш.⁴⁰

Автор грамматики описывает это грамматическое чудо с неким чопорным ученым обаянием, и (к примеру) в крохотной сноске поясняет, что «особенности этой мы не встречаем в других семитских наречиях, кроме наречия финикийского, состоящего в ближайшем родстве с еврейским, и в памятниках заиорданского еврейского языка (Моаб.) царя Меша»⁴¹, – и эти три слова, «кроме наречия финикийского» лучше многих часов помощи, которую тебе предоставят по телефону доверия.

Подобная последовательность действия, представляемого в том или другом времени, обозначается обыкновенно частицей ׀(и), которая, в этом назначении своем, отчасти сама принимает особенную форму, отчасти же видоизменяет несколько и форму прош. соверш. и прош. несоверш. времени, к которым приставляется спереди. Эта частица, в значении простого союза, называется *Wāw copulativum* (соединительное *вав*) *).

Жизнь практически налаживалась.

Прош. несовершенное (*Impf.*) с *Wāw consecutiv.* появляется не иначе как в тесном соединении с грамматическим значением предыдущего глагола. Чаще всего повествование начинается формой прошедшего совершенного времени и потом продолжается, выражая всякое последующее за ним действие в форме прошедшего несовершенного времени с *Wāw consecutivum*. Но если события, представляемые в повествовании, состоят, в известной степени, в связи с событиями, о которых было уже говорено, тогда повествование о новых событиях или известный отдел его, может начинаться прошедшим несоверш. временем с *Wāw consecut.* Целые отделы и самые книги Ветхого Завета начинаются иногда частицей ׀, но это указывает только на связь их с предыдущими и не более (См. Лев, Чис, Ис Нав, Сам, 2 Царств, Руфь, Эсф, 2 Парал, Иез); на том же основании некоторые книги начинаются и простым соединительным (*copulat.*) (Исх, 3 Царств, Ездра). *Вав*, поставляемое с прош. соверш. и с прош. несов. временем, называется обыкновенно у грамматиков *Wāw conversivum*, так как оно превращает некоторым образом прошедшее время в будущее и будущее в прошедшее. Точнее называть его *Wāw consecutivum* (последовательное), на том основании, что в сущности выражает оно последовательность действия.

Я дочитала параграф + потом сверилась с разделом «Синтаксис» + прочла то и сё + когда оторвалась, прошло два часа. Л сидел у огня, читал про Давида и Ионафана и напевал песенку.

Я покормила его обедом, и прошло еще полчаса. Я снова села за компьютер + печатала еще три часа + Л лишь изредка задавал вопросы. Я ненадолго прервалась и попечатала еще полчаса; прервалась на ужин и попечатала еще два часа; уложила Л в постель в 21:00 и в 21:30 опять пошла вниз и печатала еще три часа и затем снова пошла наверх.

Наверху было как-то зябко.

Я не понимала, как с утра оставить его наверху, и не понимала, как взять его с собой вниз.

⁴⁰ Здесь и далее фрагменты из «Еврейской грамматики» Гезениуса приводятся в пер. проф. К. Коссовича, 1874.

⁴¹ Имеется в виду стела Меша (не позднее 850 г. до н. э.) – базальтовый монумент в Дибане, важный источник для изучения древнееврейского языка; надпись на нем прославляет царя моавитов Мешу.

Чужой прошептал: По справедливости, надо бы дать противнику шанс.

Чужой прошептал: Он же приличный человек.

Я не очень хотела ложиться в постель, зная, что завтра надо опять просыпаться. Я надела три свитера и перемотала кассету. ПУСК.

Поразительная особенность этого фильма в том, что он, хоть и называется «Семь самураев», рассказывает вовсе не о семи самураях. Бандиты вот-вот нападут на деревню, и лишь один крестьянин хочет драться; без него и истории бы не было. Рикити жег меня с экрана горящими глазами; бледное его лицо сияло в холодной темноте.

Интерлюдия

Отец моей матери был ювелиром. Красивый человек, умное лицо; умелый музыкант-любитель. Прекрасно говорил по-английски, но сам слышал свой акцент и понимал, что есть в нем нечто комичное.

Бадди сказал, что не хочет быть бухгалтером, а его отец сказал, что Бадди не представляет, сколько надо работать, чтобы стать профессиональным музыкантом. Пять лет ты учился на скрипке, сказал его отец, и хоть пять минут ты занимался? Пять лет на фортепиано.

Что-то глянуло из дедовых глаз и нежно, властно сказало Вернер и *du* и *mein Kind*⁴². Бадди более или менее понял, что ему сказали, но не мог возразить, пытался вспомнить что-нибудь из песни Шуберта или из Вагнера, но все выходило слишком мелодраматично. Что-то глянуло из дедовых глаз. И сказало Бухгалтерия – это не конец света.

Что-то глянуло на моего дядю Дэнни. Что-то глянуло на моих теток и сказало Секретарша – это разве так страшно?

Линда видела, как четверо до нее пошли заниматься чем-то нестрашным, и что-то в них было такое, вся жизнь впереди, а лучшее уже отрезано, словно будущего, возможно, Хейфеца заперли в бухгалтере и бросили умирать.

Р-рок. Р-рок. Р-рок.

Мой отец тотчас перешел к делу. Он страстно доказывал, что Линда всю жизнь будет угрызаться, если не даст себе этот шанс.

Наши жизни коту под хвост, сказал отец, ты хочешь и себе того же самого? Он ораторствовал страстно, произносил слова «черт» и «клятый», в те времена – довольно сильные слова, и была в этом некая мужественность, некая весомость.

А ты что скажешь? спросила Линда и поглядела на Бадди.

Бадди сказал: По-моему, тебе надо ехать.

...потому что, само собой, если уж она куда и поедет, то в Джуллиард.

Мой отец сказал: Ну еще бы ей не надо. К полудню уже в Нью-Йорке. Линда сказала, что можно сделать вид, будто она едет в центр за свитером, она как раз поминала, что ей нужен новый свитер.

Мой отец сказал, что отвезет ее на вокзал.

Бадди сказал, что тоже поедет – мало ли, вдруг его кто спросит.

Линда сказала: Если кто спросит, скажешь, что я поехала за свитером.

Бадди сказал: Ага, если кто спросит, я так и скажу: мол, грозилась покончить с собой и вдруг вспомнила, что ей бы новый свитерок. Я лучше с вами поеду.

Линда сказала, что ему, наверное, стоит проводить ее в Нью-Йорк, виолончель понесет.

Бадди сказал: А виолончель-то тебе зачем?

Линда сказала: Для прослушивания.

Бадди сказал: Если тебя не возьмут на фортепиано, про виолончель и думать нечего.

Линда сказала: Не командуй.

+ они жарко заспорили, а мой отец стоял себе рядом. Моя мать полагала, что Джуллиард будет ее презирать, если выяснится, что она умеет играть только на фортепиано, а если она привезет несколько инструментов, они сразу поймут, что она настоящий музыкант.

Все Кёнигсберги презирали фортепиано – удобно-то как, все нотки расписаны по клавиатуре, ушел, вернулся – а они так и сидят по местам, скука смертная, да на нем даже четырехлетка сыграет (они все играли). И они терпеть не могли играть с листа + у фортепиано есть такое тягостное свойство (поскольку одновременно можно играть 10 нот, а то и больше),

⁴² Ты... дитя мое (нем.).

приходится читать в 10 раз больше, чем на других инструментах. Ни один Кёнигсберг не желал играть на фортепиано, если можно было передать его кому-нибудь помладше, + поскольку моя мать была младшей, ей не представилось шанса кому-нибудь его передать. Странно как-то, что младшей досталась партия, где надо больше всего читать, но, отмечали два брата две сестры отец и мать, если что не заладится, она всегда сыграет на слух. И вообще, она не то чтобы *не умела* играть на скрипке, альте и виолончели (не говоря уж о флейте, гитаре, мандолине и укулеле), – ей просто случая не выпадало.

Бадди заявил, что, по его мнению, Линдина техника на струнных не дотягивает до требований Джуллиарда + Линда сказала а тебе-то откуда знать ты когда меня в последний раз *слушал*.

Сначала она хотела прихватить все, показать, на что способна, но в конце концов согласилась взять только скрипку, потому что на ней умела играть несколько сложных пьес, альт, потому что на нем у нее почему-то лучше выходило звучание, мандолину, потому что это необычно – уметь играть на мандолине, и флейту, потому что никогда не вредно показать, что умеешь играть на флейте.

Бадди: И ты скажешь, что хочешь прослушиваться на фортепиано.

Линда: Не командуй.

Мой отец: Ты что хочешь сказать – ты не собираешься играть на фортепиано? У тебя фантастический талант – и ты не будешь играть? А то, что ты сейчас играла, – ты им это сыграешь?

Линда: Ты в музыке разбираешься?

Отец: Да не очень.

Линда: Тогда не суй свой нос куда не просят.

Отец сказал: Нам, наверное, пора, а то на поезд опоздаем.

Бадди опять сказал, что поедет с ними + Линда сказала, пускай Бадди скажет, что она уехала за свитером, почему он вечно из всего устраивает такой спектакль, + Бадди сказал, ну да, она уехала за свитером + на всякий случай взяла с собой скрипку альт флейту + мандолину и он пожалуй поедет с ними.

Мой отец сказал, что вообще-то хотел с Бадди поговорить, и они втроем поехали на вокзал.

Линда села в поезд. В одной руке футляры со скрипкой и альтом, в другой руке чехол с мандолиной и сумочка, под мышкой флейта.

Поезд тронулся + мой отец сказал Бадди: Ребята, вы фантастические. Я думал, музыканту надо на прослушивание какие-нибудь ноты, что ли, взять.

Бадди сказал: Ох. Ты ж. Блин.

Но уже ничего не попишешь, а она, если что, найдет ноты в Нью-Йорке, и они направились в ближайший бар, и мой отец сказал: Давай купим этот мотель.

Бадди сказал: А если мужик ошибся?

Мой отец сказал: Если он ошибся, у нас будет никчемная недвижимость. Зато старая миссис Рэндольф воссоединится со своей овдовевшей дочерью, преклонные годы проведет под солнечными небесами Флориды, и хоть кто-то будет счастлив.

За солнечные небеса Флориды, сказал Бадди.

За солнечные небеса Флориды, сказал мой отец.

Мой отец и Бадди решили поехать и заключить сделку немедленно. Отбыли в отцовской машине, Бадди сел за руль, отец уснул на заднем сиденье.

Мать моя между тем добралась до Джуллиарда. Отыскала ректорат и потребовала ее прослушать. Задача была непростая, ей много раз повторили, что для этого надо подать заявку, заполнить анкеты, назначить время; однако она не сдавалась. Она сказала, что приехала аж

из Филадельфии. Она очень волновалась, но в душе свято верила, что наконец будет спасена, едва кому-нибудь сыграет.

Наконец из ректората вышел невзрачный человек в бабочке, представился и пообещал найти помещение. В Джуллиарде водились и анкеты, и заявки, и процедуры, но тамошние люди ничем не отличались от всех прочих людей: им понравилась история, им нравилось воображать блестящую молодую музыкантшу, которая села на поезд в Филадельфии, приехала в Нью-Йорк и пришла с улицы. Моя мать (со скрипкой альтом мандолиной сумочкой + флейтой) пошла за ним в аудиторию, где стоял рояль, и невзрачный человек сел на стул у стены, положил ногу на ногу и стал ждать.

Лишь тогда моя мать сообразила: чего-то не хватает.

Понукаемая моим отцом, она пулей вылетела за дверь. Разволновавшись от одной этой мысли – вылететь за дверь, – она вылетела за дверь, не задержавшись порепетировать и даже не взяв ноты, а теперь ей нечего было играть и она ничего не подготовила.

Кое-кого подобная неприятность сбила бы с толку. Кёнигсберги сталкивались с музыкальными катастрофами каждый божий день + девиз их гласил: Не падай духом.

Что вы мне сыграете? спросил невзрачный человек.

Линда вынула из футляра скрипку. Объяснила, что оставила ноты в поезде, но сыграет партиту Баха.

Она сыграла партиту Баха, а невзрачный человек, ни слова не говоря, созерцал свое колено; потом она одолела сонату Бетховена, соврав всего пару раз, а невзрачный человек невозмутимо созерцал свое колено и так ничего ей и не сказал.

А теперь что вы мне сыграете? спросил невзрачный человек.

Линда спросила: Хотите, я сыграю на альте?

Человек: Если хотите мне сыграть, я с наслаждением вас послушаю.

Линда положила скрипку в футляр и достала альт. Сыграла малоизвестную сонату для одного альта, которую выучила за пару лет до того. Даже тогда соната была совершенно бесцветная – из тех пьес, которые композиторы почему-то нередко сваливают на альты. На миг моя мать забеспокоилась, вспомнит ли сонату, но едва начала, все вспомнила. Забыла, что идет после первой репризы, и сыграла ее дважды, чтобы потянуть время, + пришлось сочинять новое анданте, поскольку старое временно вылетело из головы (по счастью, соната была настолько малоизвестная, что невзрачный человек, наверное, не заметил), но в остальном вроде бы отбарабанила неплохо.

Невзрачный человек все созерцал свое колено.

Она сказала: Это просто чтобы вы получили общее представление. Хотите, я еще сыграю?

Он сказал: Пожалуй, общее представление я уже получил.

Она сказала: Сыграть вам на мандолине?

Он сказал: Если хотите на ней сыграть.

Она сыграла пару-тройку коротких пьесок, Бетховена и Гуммеля, чтобы невзрачный человек получил общее представление, а потом сыграла несколько пьес на флейте – так он поймет, что играть на флейте она умеет.

Он молча выслушал, глянул на часы и сказал: Вы хотите мне сыграть еще что-то?

Она сказала: Еще я умею на виолончели, на гитаре и на укулеле, но их я оставила дома.

Он сказал: И один из этих инструментов дается вам лучше всего?

Она сказала: Я бы так не сказала. Преподаватель по виолончели говорил, что у меня есть перспективы, и, понятно, любой идиот сыграет на гитаре, а если умеешь на гитаре, то не надо быть гением, чтобы играть на укулеле, но я бы не сказала, что они мне даются прямо лучше всего.

Музыкант научается шестым чувством улавливать настроение аудитории. Моя мать уловила, что прослушивание как-то не задалось.

Человек в бабочке снова глянул на часы, встал, походил туда-сюда и сказал: Боюсь, у меня назначена встреча, поэтому...

Я умею на фортепиано, помявшись, сказала она + бодро прибавила: Семь бед – один ответ!

Время несколько поджимает, сказал человек, но снова сел + положил ногу на ногу + воззрился на свое колено.

Моя мать села за рояль. Она не репетировала, но за последнюю неделю сыграла шопеновскую прелюдию № 24 ре-минор 217 раз. Она 218-й раз за прошедшую неделю заиграла шопеновскую прелюдию № 24 ре-минор, и невзрачный человек впервые отвел глаза от своего колена.

Он сказал: Я хочу послушать еще.

Он сказал: Найти вам ноты? Можно взять в библиотеке, если вам нужно.

Она потрясла головой. Надо что-нибудь сыграть. Она заиграла «Лунную сонату». Как-то странно – странно не играть шопеновскую прелюдию № 24 ре-минор 219-й раз.

А теперь что вы мне сыграете? спросил невзрачный человек.

Она заиграла интермеццо Брамса. На сей раз не стала ждать, пока он спросит, перешла к следующей пьесе, потом еще одной, и еще, все чаще додумывая, и руки ее сновали туда-сюда по клавишам.

Посреди пьесы человек вскочил и сказал Достаточно.

По скрипучим половицам подбежал к ней; говорил он при этом Нет-нет-нет-нет-нет. Она сначала решила, это он сетует, что она импровизировала, потому что забыла.

Нет-нет-нет-нет, сказал он, остановившись подле.

Нельзя так играть на фортепиано.

Он сказал: У вас же руки совсем невесомые.

Линда сняла руки с клавиш. Она не поняла. А он сказал: Вы что, не ЧУВСТВУЕТЕ, как у вас напряжены запястья? Играть нужно всей рукой, от плеча. Не надо от запястья. Расслабьтесь, иначе вы с ним не совладаете.

Он велел ей сыграть гамму до-мажор, и не успела она одолеть 3 ноты, сказал Нет. Велел играть, налегая на каждую ноту всей рукой. Если будет ошибаться, это ничего.

Кто-то постучался, заглянул, + невзрачный человек сказал Не сейчас.

Он простоял рядом час, а ловкая рука моей матери неуклюже ковыляла по белым клавишам.

Наконец он сказал, что достаточно. Показал ей простое упражнение + сказал: Играйте два месяца по четыре часа в день, как я показал. Потом возвращайтесь к чему-нибудь своему, но расслабляйте запястье. Не можете расслабить запястье – не играйте. И что бы вы ни играли, сначала упражняйтесь по два часа.

Он сказал: Начните с начала, и, может, через год вам будет что мне показать. Я не обещаю, что мы вас возьмем, но обещаю, что слушаем.

Он сказал: Может быть, вы считаете, что это обещание не стоит года жизни.

И он сказал: Возможно, вы правы, но больше я ничего обещать не могу.

Моя мать пожала ему руку и вежливо сказала спасибо.

Она сказала: А скрипка? Мне нужно работать со скрипкой?

Невзрачный человек рассмеялся + сказал: Это вряд ли. И прибавил, что касательно флейты, альты и мандолины тоже ничего не посоветует.

Он сказал: Но Рубинштейн на флейте не играет и, вроде, доволен жизнью.

Он сказал: Не знаю, кто вас учит, но... Откуда вы? Филадельфия? Позвоните этому человеку, сошлитесь на меня. Не звоните, если не хотите работать, он мне руки не подаст, но если вы серьезно... А лучше не звоните пару месяцев, попробуйте, поймите, готовы ли тратить время, и если вы серьезно, позвоните ему.

Он записал имя + телефон на бумажке, дал ей, и она убрала бумажку в сумку. Спросила, можно ли играть упражнение в си-мажоре, и он засмеялся и сказал, что 50% можно играть в си-мажоре, только пусть расслабляет запястье. И она снова его поблагодарила, взяла скрипку альт мандолину сумочку и флейту и ушла.

Через минуту она очутилась на улице, оглядела окрестные дома. Середина дня.

Если б ее взяли в Джуллиард, она бы забралась на Эмпайр-стейт-билдинг и оттуда обозрела покоренный город; Нью-Йорк простерся бы у ее ног.

Лезть на Эмпайр-стейт-билдинг она не захотела и пошла к отелю «Плаза», где Фицджеральд и Зельда танцевали нагишом. Потом рассказывала, что стояла у фонтана, дрожа и плача + понимая, что сегодня – счастливейший день ее жизни, потому что когда ты младшая из пятерых, никто никогда не относится к тебе серьезно, + теперь кто-то отнесся к ней как музыканту настолько серьезно, что велел по четыре часа в день играть одно упражнение. Если в Джуллиарде сказали так, даже отец обязан отнестись к ней серьезно + каким-то чудом она одна из всей семьи станет настоящим музыкантом.

На самом деле она хотела петь, это правда, но какое-то никакое, а начало.

Заморосило, и она пошла в «Сэкс – Пятая авеню» поглядеть на свитера, а потом вернулась на вокзал и села на поезд до Филадельфии.

Приехала домой, все объяснила, и никто, похоже, не понял, что к ней отнеслись серьезно.

Да что он знает? сказал мой дед. Кто о нем вообще слыхал? Что ж мы о нем впервые слышим, если он такой гений?

Мне надо заниматься, сказала моя мать и ушла к пианино. Еще свежо было воспоминание о том, как ее тяжелая рука с тяжелой кистью ковыляет по клавишам. Она положила руки на клавиатуру, и следующий час из гостиной доносился кошмарный рваный шум. Все дети с трех лет симпатично играли на фортепиано; на памяти живых ни один Кёнигсберг не сыграл ни единой гаммы; дед и бабка в жизни своей не слыхали ничего ужаснее.

Раньше они думали, что шопеновскую прелюдию № 24 ре-минор по 30 раз в день ничто не переплюнет. Теперь они жалели, что прежде не ценили своего счастья. Бабушка даже сказала Линда, может, сыграешь эту чудесную пьеску – помнишь, ты на днях играла?

Моя мать ответила, что ничего, кроме упражнения, ей два месяца играть нельзя.

Между тем все недоумевали, что приключилось с Бадди – взял и уехал с другом, слова никому не сказав.

Моя мать предположила, что он, наверное, поехал в центр приглядеть себе свитер.

Моя мать каждый день занималась часами, и каждый час был мучителен для слушателя и исполнителя равно. Поначалу все думали, что она сдастся. Но день шел за днем, а она все ковыляла час за часом, и это был кошмар.

Она не знала, что еще делать.

Она вспоминала прослушивание минуту за минутой и ежилась от ужаса и стыда, которые тогда ее не мучили, – особенно настойчиво преследовала ее соната для альты с тремя репризами и новым анданте. Одно хорошо – она хоть не запела. Миновало каких-то три недели занятий, но моя мать уже поняла, что никогда теперь не сможет простодушно зайти в аудиторию и показать, на что способна.

Дядя Бадди и моя мать хотели стать певцами, потому что любили оперу, однако не представляли себе, чего им это будет стоить.

Раньше она думала так: само собой, в музыкальные школы не принимают кого попало, там смотрят, какие у человека инструменты, а едва тебя приняли, можно сразу петь. После прослушивания она заподозрила, что дело обстоит несколько иначе. Если нельзя сесть за фортепиано, не одолев эту пустыню работы над техникой, быть может, пустынями окружены и другие инструменты, а также голос.

Моя мать все играла упражнение. Она не пела в школьном хоре, потому что хор чуть ли не круглый год репетировал рождественский концерт. Кто его знает, чего стоит стать певицей?

Моя мать играла упражнение, поскольку Джуллиард сказал, что ей надо играть на фортепиано.

Однажды в гостиную зашла бабушка. Она сказала Ты же знаешь, отец желает тебе только добра. Она сказала Ты сводишь его с ума, каково, по-твоему, такому человеку слушать вот это день за днем? Она сказала Послушай. Решать тебе не к спеху. Ты уже два часа отыграла, на сегодня хватит, поехали в центр, помоги мне выбрать блузку твоей сестре.

Они поехали по магазинам, и бабушка купила ей платье за \$ 200, и другое платье за \$250, и шляпку, и другую шляпку, которая моей матери шла больше, и к одной из этих шляпок пару туфель. Они вернулись домой, и дед предложил моей матери скататься во Флориду, а та отказалась. Они поехали по магазинам, и бабушка купила ей шесть пастельных кашемировых свитеров.

Всякий раз, когда моя мать садилась заниматься, в гостиную заходила бабушка, и моя мать все больше злилась. А дело было вот в чем:

Дед уехал из Вены в 1922-м, осел в Филадельфии, неплохо поднялся. Конечно, музыку с венской не сравнить, но в остальном ничего. Он женился, пристойно пережил Депрессию, а с точки зрения бизнеса, война – это хорошо, продажи обручальных колец взлетели до небес. Но с другой точки зрения война переменяла его взгляд на вещи.

Родня его по большей части осталась в Австрии. Если ты ювелир, все думают, у тебя денег куры не клюют, рано или поздно приходит письмо, скажем, от человека, который тебе никогда не нравился, и нужно наскрести несколько тысяч долларов на поручительство, а потом не миновать затяжной переписки. Скажем, есть человек, у него степень по машиностроению, год преподавания в университете, скажем, в конце года он вынужден оставить преподавание, поскольку наставления носителя нечистой крови оскорбляют студентов арийского разлива, скажем, некоторое время он работает на производстве, хотя от человека такой квалификации ожидаешь должности повыше, скажем, его зовут преподавать в американский колледж, и ты пишешь в Госдепартамент, а Госдепартамент тебе разъясняет, что, к сожалению, для одобрения заявки требуется минимум двухлетний опыт преподавания. Тебе не миновать затяжной переписки, и однажды ты шлешь заявителю письмо, сообщаешь, что происходит, а ответа нет.

Мистер Кёнигсберг об этом особо не распространялся, и кончиками пальцев не касался этого предмета, когда дети говорили, что хотят стать музыкантами, он только твердил, что будущего не предугадаешь. Что бухгалтерия – не конец света. Что секретарша – это нестрашно.

Казалось, фигуры умолчания до того ужасны, что их и озвучить нельзя, и ведь правда совсем нестрашно быть секретаршей или там бухгалтером. Однако Линда видела, как нестрашным пошли заниматься четверо до нее. А теперь выяснилось, что тут ни при чем маккартизм, который по сути своей антисемитизм, переодетый антикоммунизмом, и ни при чем шанс устроиться в Канаде или Бразилии, если нужда погонит. Все дело было в том, что отец не мог слушать, как люди занимаются по стандартной программе лучшей консерватории в стране. Ну, хочешь разрушить людям жизнь – дело твое. Хочешь превратить свой дом в какие-то клятые «Звуки музыки» – дело твое. Но тогда на Гитлера не пеняй.

Тут вернулись Бадди с атеистом, и атеист сказал, что можно купить в мотель пианино, пускай Линда занимается там. Линда спросила, что скажут гости, а атеист объяснил, что гости приезжают вечерами, после целого дня в дороге, а спозаранку уезжают дальше, в чем и красота мотеля. И, улыбаясь, прибавил, что более того, он может отвести Линду к «Хелене» и научить играть в пул – если что, у нее всегда будет запасной выход.

Порой моя мать и вправду занималась, но то одно, то другое, и порой она не занималась. Совет невзрачного человека оказался каким-то проклятием. Она не занималась, если не могла сыграть правильно, и постепенно играла все меньше и меньше, а потом и вовсе бросила.

Я раньше думала, что все могло быть иначе. Гизекинг⁴³ в жизни не сыграл гаммы, Glenn Gould едва ли занимался; они просто смотрели в партитуру и думали, думали, думали. Если бы невзрачный человек сказал иди и подумай, он тоже рисковал бы революцией в мозгах у Кёнигсбергов. Может, он даже и сам думал, что надо думать. Но нельзя за час научить думать; можно только дать упражнение и с тем отправить восвояси. Безмолвные мысли не нервировали бы деда; он бы по-доброму не посоветовал моей матери играть для удовольствия + тем самым не изгнал бы ее из дома; и все могло бы сложиться иначе.

⁴³ Вальтер Гизекинг (1895–1956) – немецкий пианист, занимавшийся также лепидоптерологией; обладая очень развитой слуховой и зрительной памятью, выучивал партитуры наизусть.

II

Настоящий самурай так не напьется. Если он и впрямь хорош, он отразит удар.

Вожак самураев, когда в отряд пытается затесаться самозванец

Неудивительно, что Голливуд снял римейк «Семи самураев», – в этом фильме действует элитный отряд доблестных воинов, и уже одним этим он близок вестерну.

Дэвид Томсон, «Биографический словарь кино»

1

Мы никогда не выходим на «Слоун-сквер» и не едим в «Жареных курах Небраски»

Мы только что подъехали к «Приморскому мотелю», он же «Олдгейт»: катаемся по Кольцевой против часовой стрелки. Колонны все в бледно-бирюзовой плитке, лиловые ромбы на кремовом пояске – от такой гаммы мне на ум сразу приходят обмылки в бумажках и полотенчики с вышитыми якорями. Что за детство у этого ребенка? Он даже на пляже в Дейтоне не бывал.

Я каждый день катаю его по Кольцевой, чтоб не мерз: я могу печатать и по ночам, когда он спит, но жечь камин 20 часов в день мы не можем. Он остро недоволен, потому что я не разрешила ему взять Канлиффа⁴⁴. Ну что делать.

Помню, лет 10 назад или, скорее, 8, я на Кольцевой читала десятую книгу «Никомаховой этики», и поезд остановился на «Бейкер-стрит». С потолка сочился красивый свет, будто зернистая сепия; 11:00, очень тихо. Я подумала: Да, жизнь, подчиненная уму, и есть самая счастливая⁴⁵. Даже тогда чтение Аристотеля не отражало моей концепции интеллектуального блаженства, но ведь возможно вести жизнь, подчиненную уму, и не читая Аристотеля. Если бы можно было читать все, чего душа пожелает, я бы читала «Семантическую традицию от Канта до Карнапа»⁴⁶.

Сегодня это решительно невозможно, поскольку Л поминутно спрашивает то одно слово, то другое. Он угрюм – его бесит, что приходится спрашивать; по-моему, он думает, если завалить меня вопросами, я разрешу ему завтра взять с собой гомеровский словарь. Джеймс Милль в перерывах между лексической поддержкой маленького Джона написал целую историю Индии, но ему не требовалось грузить в коляску для близнецов небольшую библиотеку, ребенка, Пакость, Птица-младшего и Мелочь – у него имелись жена, слуги + камин в комнате, и все равно он был раздражителен и вспыльчив. Пакость – трехфутовая плюшевая горилла; Птиц – двухфутовая черепаха, по ошибке нареченная создателем Донателло⁴⁷; + Мелочь – дюймовая резиновая мышка, которой от природы уготовано теряться от 30 до 40 раз в сутки.

Даже если не мешает Л, то и дело подходят люди. Иногда шутиливо пеняют ему на то, что рисует в книжке, а иногда выкатывают глаза на полвосьмого, сообразив, что он читает. Им, видимо, и в голову не приходит, что все это ему бесполезно. Сегодня подошел дядька и шутиливо сказал: Не надо в книжке рисовать.

Л: Почему?

Шутиливый: А если кто-нибудь почитать захочет?

Л: Так я и читаю.

Идиот, идиотски подмигивая мне: Да ну? И про что там?

Л: Ну вот сейчас они прибыли в царство мертвых а тут она превращает их в свиней а тут они идут к стражу над всеми ветрами а тут они суют в горящие уголья обрубков дубины

⁴⁴ Имеется в виду «Словарь гомеровского диалекта» (*A Lexicon of the Homeric Dialect*, 1924) Ричарда Джона Канлиффа.

⁴⁵ Парафраз «Никомаховой этики» Аристотеля, кн. 10, гл. VII. Пер. Н. Брагинской.

⁴⁶ «Семантическая традиция от Канта до Карнапа: курсом на Вену» (*The Semantic Tradition from Kant to Carnap: To the Vienna Station*, 1991) – работа Дж. Альберто Коффы, исследование истории логического позитивизма, семантической традиции в философии с начала XIX века до работ «венского кружка» включительно.

⁴⁷ Один из персонажей комиксов, мультсериалов и кинофильмов об антропоморфных мутантах черепашках-ниндзя (*Teenage Mutant Ninja Turtles*, с 1984), созданных Кевином Истменом и Питером Лэрдом.

и выкалывают глаз Циклопу⁴⁸, потому что у него только один глаз и если его выколоть он ослепнет.

Мозг в шесть лет ушел из школы, а тело продолжало отбывать срок: Как-то некрасиво они поступили, а?

Л: Если тебя вот-вот съедят, красота необязательна. Можно убивать ради самозащиты. Медленно соображающий (с глазами на полвосьмого): Ишь ты.

Л (пятисотый раз за текущий день): Что это значит?

Медленный: Это значит «совершенно поразительно». (Мне) Вас не тревожит, что с ним будет в школе?

Я: До отчаяния доводит.

Просто желающий помочь: Зачем же сразу язвить?

Л: Это не очень сложный язык. Алфавит – предшественник того, которым пишут по-английски, и очень на него похож.

Теперь Просто поражен и выкатывает глаза на пол-восьмого не только потому, что перед ним гомероговорящее дитя; он тарашится, как умеет тарашиться только человек, всю жизнь применявший к слогам бритву Оккама. Он смотрит на меня и спрашивает, нельзя ли присесть.

Поезд подъезжает к «Набережной». Я кричу: «Нет выхода!» и вылетаю на платформу, ворочая коляской.

Л вылетает за мной и мчится к лестнице под табличкой «Нет выхода». Я иду за своим ребенком – мать идет за своим ребенком. Мы прячемся за углом, пока поезд не трогается, затем возвращаемся на платформу и покупаем два пакетика арахиса.

Л, разумеется, не все время читает «Одиссею». В коляску погружены также «Белый клык», «ВИКИНГ!», «Тар-Куту: пес Крайнего Севера», «Мардук: пес монгольских степей», «Пит: черный пес Дакоты», «ПЛОТОЯДНЫЕ, ХИЩНИКИ, КРУПНЫЕ КОШАЧЬИ» и «Дом на Пуховой опушке». Последние дни Л в третий раз перечитывает «Белый клык». Иногда мы выходим из поезда, и он бежит по платформе. Иногда считает до 100 на одном языке или нескольких, остекленевшими глазами озирая вагон. И однако он много читал «Одиссею», и нам хватает данных на совокупное мнение общественности на Кольцевой по вопросу детей + греческого языка.

Поразительно: 7

Слишком маленький: 10

Просто притворяется, что читает: 6

Прекрасно, этимология очень на пользу правописанию: 19

Прекрасно, флективные языки очень на пользу программированию: 8

Прекрасно, классические тексты незаменимы для понимания английской литературы: 7

Прекрасно, греческий очень полезен для чтения Нового завета, например, «верблюду сквозь игольное ушко» – неверный перевод очень похожего слова, означающего «веревка»: 3

Ужасно, изучение древних языков – элемент системы образования, способствующей раслоению общества: 5

Ужасно, чрезмерное внимание к мертвым языкам и привело к упадку британской науки и промышленности, а также к общей неконкурентоспособности Великобритании: 10

Глупость какая, лучше бы в футбол поиграл: 1

Глупость какая, лучше бы овладевал ивритом + изучал свое еврейское наследие: 1

Замечательно, а то в школах не учат ни орфографии, ни грамматике: 24

(Опрошенных: 35; Воздержались: 1000?)

⁴⁸ Аллюзии на: Гомер, «Одиссея», здесь и далее пер. В. Вересаева.

А, + чуть не забыла:

Замечательно, Гомер так красив по-гречески: 0
Замечательно, греческий – замечательный язык: 0

Ах да, + еще:

Замечательно, но как вам удалось обучить такого маленького ребенка: 8

Я как-то читала, что Шон Коннери бросил школу в 13 лет, а потом стал читать Пруста и «Поминки по Финнегану», и все надеялась встретить в поезде увлеченного человека, бросившего школу, из тех, кто читает лишь потому, что книжка замечательна (и школу, естественно, ненавидит). К сожалению, все увлеченные люди, бросившие школу, заняты чем-то своим.

Пред лицом навязчивых советчиков почти неодолим соблазн ответить:

Знаете, я сама просто *теряюсь*, я раздумывала *неделями*, все размышляла, правильно ли поступаю, и наконец сегодня утром подумала: я поняла, сяду в *подземку*, там мне кто-нибудь даст совет, + точно, вы мне посоветовали, как поступить. *Огромное* вам спасибо, прямо не знаю, что бы я *делала*, если б вы не сказали...

Пока мне удалось воспротивиться соблазну 34 раза из 35. Pas mal⁴⁹.

Когда воспротивиться соблазну удастся, я отвечаю (и не вру при этом ни капли), что сама ничего такого не задумывала.

«ТЕМПЛ» «НАБЕРЕЖНАЯ» «ВЕСТМИНСТЕР» «СЕНТ-ДЖЕЙМСКИЙ ПАРК»

Этимология очень на пользу правописанию: 2

Как вы научили такого маленького ребенка: 1

«ВИКТОРИЯ» «СЛОУН-СКВЕР» «ЮЖНЫЙ КЕНСИНГТОН»

Этимология очень на пользу правописанию

«ГЛОСТЕР-РОУД» «ХАЙ-СТРИТ-КЕНСИНГТОН» «НОТТИНГ-ХИЛЛ-ГЕЙТ»

Чудесно

Чудесно

Чудесно

Этимология очень на пользу

«ПАДДИНГТОН» «ЭДЖВЕР-РОУД» «БЕЙКЕР-СТРИТ» и снова и снова и снова и снова

На «Грейт-Портленд-стрит» зашел человек + выразил удивление + одобрение.

Сказал, что у него младшенький примерно такого же возраста, но, конечно, не гений...

Я сказала, что, по-моему, у детей способности к языкам

Он сказал Сложно было его учить

+ я сказала Не очень

⁴⁹ Неплохо (*франц.*).

+ он сказал Ну честь вам обоим и хвала ему это сильно поможет вы подумайте для обычного мальчишки столько слов тяжкий труд а вашему малышу раз плюнуть. Гидрофобия! Гемофилия!

Поезд остановился на «Юстон-сквер», но Честь и Хвалу не остановить: Микроскопический! Макробиотика! Палеонтологический орнитологический антропологический археологический!

[«Кингз-Кросс», но увы]

Хвала: Фотография! Телепатия! [Ладно] Психопат! Полиграф! [Ладно ладно] Демократия! Гипотония! Экстаз! Эпос! [Ладно ладно ладно] Трилогия Тетралогия Пенталогия! [ОЙ НЕТ] Пентаграмма! Гексаграмма! [ЗАМОЛЧИ] Октаэдр Тетрапод [ЗАМОЛЧИ]

Энапод

Что он еще выдумает [усмехаясь]: Я такого слова не знаю

Декапод

Что он еще [по-прежнему усмехаясь]: Моя станция. [Выходит на «Фаррингдоне» – вот все мужчины одинаковы]

Гендекапод

[НЕТ]

Додекапод

[НЕТ]

Трискедекапод

[Ну что поделаешь]

Тессарескедекапод

[Где найдешь, где потеряешь]

Пентекедекапод геккедекапод гептакедекапод ОКТОКЕДЕКАПОД эннеакедекапод эйкосапод

Я ничего такого не задумывала.

Я задумывала взять пример с г-на Ма (отца знаменитого виолончелиста) и по сей день не понимаю, где что пошло не так. Однако я обещала: если буду знать наверняка, что хоть 10 человек заинтересуются, как обучить четырехлетку греческому, я объясню. 11 пассажиров Кольцевой сообщили, что им интересно. Жаль, я не сказала выше «10 человек, не считая тех, кто полагает, что это замечательная идея, поскольку в школе не учат орфографии и грамматике», но обещание было безоговорочное + что-то пообещав, я стараюсь сделать.

По-моему, в прошлый раз я коснулась этого предмета, когда рассказывала, как печатала интервью с Джоном Денвером, сделала перерыв, + Л отвлек меня от 6-й песни «Илиады». Только этого не хватало – учить четырехлетку греческому, и тут раздался глас Чужого + голос его был сладок, как мед.

Что еще за Чужой, спросит читатель.

Чужой, как его ни называй, – то, что подыскивает благовидные предлоги для жестокости, и как мне закончить, если меня все время отвлекают.

А теперь раздался глас Чужого + глас его был сладок, как мед, и молвил тот глас Он же совсем маленький.

А Дж. С. Милль молвил:

В процессе обучения, каковой я частью отследил, на поверхности со всей очевидностью наблюдаются великие усилия в годы детства передать объемы знаний в сферах, полагаемых обыкновенно высшим образованием; таковые знания редко приобретаются (если и приобретаются) до возмужания.

И я сказала НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ

А мистер Милль молвил:

Результаты эксперимента доказывают, с какой простотой этого можно достичь,

И я сказала: *С ПРОСТОТОЙ*

+ он безжалостно продолжал:

и отчетливо выявляют бессмысленную потерю столь многих драгоценных лет, растраченных на крохи латыни и греческого, обычно преподаваемые школьникам; потерю, которая многих реформаторов образования побудила к неблагоприятному предложению совершенно исключить эти языки из общей программы обучения. Схватывая я на лету от природы, располагаю я точной и цепкой памятью, обладаю я нравом чрезвычайно пылким и энергичным, результатам этих испытаний не доставало бы убедительности; и однако всеми этими естественными дарами я наделен скорее менее, чем более среднего человека; к тому, на что способен я, безусловно, способен любой мальчик и любая девочка, обладающие средними способностями и физическим здоровьем.

Чужой сказал, что лучше ответить нет + я жаждала ему поверить, ибо простота, с которой можно передать ребенку знания в сферах, полагаемых обыкновенно высшим образованием, ничто в сравнении с простотой, с которой можно их не передавать. Я подумала: Ну, может, он просто. Я подумала: Ну что поделаешь.

И я дала Л табличку с алфавитом + сказала это алфавит + он растерялся. Когда я учила греческий, нам первым делом давали всякие слова, φιλοσοφία θεολογία ἀνθρωπολογία + так далее и мы видели как это похоже на философию теологию антропологию и очень радовались, но такие слова обычно не встречаются в «Добб не любит хоп-хоп-хоп» + следовательно мало помогут обучению 4-летки. Поэтому я сказала, что многие буквы похожи, а когда он все равно не вник, терпеливо объяснила...

В греческом много букв, которые как английские. Вот гляди, сможешь прочитать? и я написала на листочке:

от

И он сказал от.

И я написала кот, и он сказал кот.

И я написала ток, и он сказал ток.

кол. коп. так. так. кета. кета. рак. рак. крот. крот. ракета. ракета. кратер. кратер.

И я сказала Очень хорошо.

И я сказала А есть буквы, которые не такие, и написала β = б, γ = г, δ = д, ι = и, λ = л, μ = м, ν = н, σ = с + υ = у + сказала вот погляди, сможешь прочитать?

Я написала βок, и он сказал Бок!

И я написала док, и он сказал Док!

И я написала γол, и он сказал Гоп!

τιρ. Тир! λот. Лот! μот. Мот! νет Нет σок Сок рука Рука!!!!

Чужой сказал, что на сегодня довольно.

Мистер Милль сказал, что отец начал учить его греческому по карточкам в три года, и к тому, на что способен он, безусловно, способен любой мальчик и любая девочка, обладающие средними способностями и физическим здоровьем.

Г-н Ма сказал, что для одного дня это чересчур + чрезмерный объем материала усваивается поверхностно, а не постигается глубоко.

Я сказала Мне кажется, на сегодня довольно

+ он сказал НЕТ! НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ

И я написала ξ = кс. ζ = з.

βοξ. Бокс! αλεξ. Алекс! βυξιρ Буксир! ζονтик Зонтик! καξκαζαλ Каксказал – ой, как сказал!

Я сказала Так. Помнишь, какой звук получается из X, и он сказал Ха.

Я сказала Точно. А в греческом для этого звука буквы нет, есть крючочек над первой буквой слова, вот такой:'. Называется придыхание. Если слово начинается с гласной + в нем нет звука X, тогда в нем тонкое придыхание, это крючочек в другую сторону:'. Как ты произнесешь вот это:

άτα.

Он поразмыслил + наконец сказал Хата?

Я сказала Молодец. А это? όλ

И он сказал Хоп.

όδ. Ход! όρ. Хор! όρ. Ор? άμ Хам! άμ Ам! ёк Хек! ёк Эк!

А я сказала Прекрасно!

А он сказал Это просто!

А у Чужого что-то заскрежетало в горле. Coupez la difficulté en quatre, сказал он, жутко лыбясь.

Г-н Ма сказал Сама знаешь, какие у меня методы.

Я подумала: Еще пять минут. Пять минут я переживу.

Я сказала Это хорошо, потому что сейчас будет чуть посложнее. Четыре буквы обозначают звуки, которые мы записываем двумя буквами. θ – это такое тх, как будто говоришь ВОТ ХАМ. φ – это такое пх, как будто говоришь ХОП-ХОП. χ – это кх, КАК ХОЧЕШЬ. А ψ – это пс, как в слове ПСИХ. Хочешь попробовать или пока прервемся? И он сказал, что попробует.

И я написала οθολοδα

а он смотрел очень долго + наконец я сказала От холода.

И я написала οθοδ

и он сказал Отход.

И я написала νεθορα + он сказал Нет хора, и я написала νεθοδα, а он сказал Нет ХОДА + я сказала Прекрасно.

καχυδο Как худо? καχλεβ Как хлеб. χοδυ К ходу.

ίφολ Хип-хоп. οσιφορ Осип хор. μοψ Мопс! γιψ Гипс! ποψα Попса! ψινα Псина!

И я сказала Прекрасно.

Потом он взял книгу, поглядел в нее и сказал, что не может прочесть.

Это потому, терпеливо объяснила я, что там другой язык и все слова другие. Если бы ты мог прочесть, это был бы английский, но другими буквами.

Я сказала:

Вот что, я тебе дам мои записи по этой книге и можешь поработать с ними.

Он сказал:

Ладно.

И я пошла искать четыре странички, которые успела накропать. Четыре года назад я приступила к проекту «Научись читать “Илиаду”» – внизу каждой страницы словарь, на противоположной странице перевод. Одолела четыре страницы, на четыре года оставила их в гомеровском словаре + так и не продвинулась дальше 1:68. Печально, зато у Л теперь будут листы со словариком.

Я сказала Это просто чтобы ты начал читать слова, да? Некоторые слова я тебе скажу, и можешь взять у меня один маркер, которым я пользуюсь для арабского. Тебе какой цвет?

А он сказал Зеленый.

И я дала ему «Шван-Штабило-33» + выбрала слова, которые часто встречались, но поскольку я не забыла Рёмера и что-то в чем-то с чем-то, я постаралась выбрать не только предлоги + артикли + союзы.

Потом сообразила, что забыла объяснить долгие гласные + дифтонги.

Я не хотела объяснять долгие гласные + дифтонги. Я и сейчас их объяснять не хочу. Но я, конечно, понимала, что если не объясню, не пройдет и часа, как Л примется меня отвлекать и канючить, чтоб я объяснила, а если я все равно не объясню, я знала, что будет: во сне меня станет преследовать поэт Китс. В одной руке Чепменов Гомер⁵⁰, в другой «Оксфордская классика»⁵¹, и он не мигая воззрится на меня с невыразимой печалью, а затем, жалобно вздохнув, раскроет Чепмена. Двойник Коннери, что бродит в туманной дымке, в безмолвном негодовании взглянет на меня и уйдет, ни слова не сказав. Короче – для длинного е есть отдельная буква η, как в растянутом слове ведь; для длинного о есть отдельная буква ω, как в растянутом слове вот; μαι рифмуется с май, ὄυ ау пей ὀι ой μου му – пусть ваше воображение расскажет вам, как я все это объясняла + затем я вернулась к словам.

Как это произносится? πολλάς. Поллас? Прекрасно. Это значит много.

А это? Ψυχὰς Псукхас. ДА. Это примерно души или духи.

А вот это? ἥρώων θεῶν ἀνδρῶν. Хеероооон тхеоон андроон. Точно. Это значит героев, богов, мужей. Теперь сделай так: прочти как можно больше и покрась все места, где встретишь эти слова. А грамматикой мы потом займемся. Ладно?

И он сказал Ладно.

Я отдала ему свои бумажки и сказала Ну, вперед.

Мы доехали обратно аж до «Блэкфрайерз». Под восхищенными + снисходительными взглядами людей, которые заходят в вагон и через несколько остановок могут выйти, Л добрался до пентекепентеконтапода.

Он поглядел на бумажки и поглядел на меня.

Я сказала Это не так сложно. Посмотри внимательно и покажи мне какое-нибудь слово.

+ он посмотрел на страницу и в 3 строке нашел πολλάς + я сказала Правильно, теперь покрась его зеленым + и поищи остальные, ладно?

+ он сказал Ладно.

ОКТОкепентеконтапод ЭННЕАкепентеконтапод ГЕКСЕКОНТАпод

[Ну, в общем]

Я снова погрузилась в 6-ю песнь «Илиады», и через две минуты вернулся Заводной Деточка. Сказал, что покрасит имена всяких людей, потому что может их прочесть + ему почти нечего красить. Я сказала, что это он замечательно придумал + он ушел + я углубилась в историю Гектора + Андромахи + он снова вернулся. Сказал, что θεοῖς похоже на θεῶν и можно он его тоже покрасит, а то ему нечего красить.

Мне не улыбалось упрощать и объяснять 4-летке даже простейшие правила грамматики + не могу сказать, что мне улыбается сейчас пережить это снова, но я обещала, поэтому

ГЕКкеГЕКСеКОНтапод ГЕПтакеГЕКСеКОНтапод ОКТОкеГЕКСеКОНтапод

⁵⁰ Джордж Чепмен (1559–1634) – английский поэт, драматург и переводчик; более всего известен первыми полными переводами «Илиады» и «Одиссеи» на английский (1598–1616), которые до перевода Александра Поупа (1715–1720) оставались основными англоязычными версиями этих поэм.

⁵¹ «Оксфордская классика» (*Oxford Classical Texts*, или *Scriptorum Classicorum Bibliotheca Oxoniensis*) – серия издательства *Oxford University Press*, в которой публикуются греческие и латинские классические произведения, снабженные справочным аппаратом на латыни.

объясню.

Мне, правда, нелегко сосредоточиться, так что я, пожалуй, задобрю совесть, коснувшись только ключевых моментов, как в «Звуках музыки» «До – нам дорог первый звук» переходит в гармонию на семь голосов, или же в гептафонию, как, вероятно, сказали бы некоторые (не будем показывать пальцем).

Я сказала Конечно, давай, и сказала Помнишь, что такое θεῶν, и он сказал Богов, и я сказала Точно, так вот, θεοῖς – это к богам или богами + помнишь, что такое ἥρώων и ἀνδρῶν + он сказал Героев и мужей + я сказала, но ведь в θεοῖς нет отдельного слова, которое значит «к», тут все внутри одного слова, значит, какая-то его часть значит «к» + как думаешь, какая + не знаю как вы, а я уже почти созрела до «Холмы оживают, когда звучит песня» (А-а-а-ах).

гептакегебдомеконтапод

[Ай, ладно]

* * *

И снова целый день на Кольцевой, дома сидеть слишком холодно. Город поливают ледяные дожди, под землей тепло и сухо.

«ЛИВЕРПУЛЬ-СТРИТ» «ОЛДГЕЙТ» «ТАУЭР-ХИЛЛ» «МОНУМЕНТ»

Слишком маленький

«КЭННОН-СТРИТ» «МЭНШН-ХАУС» «БЛЭК- ФРАЙЕРЗ»

Этимология очень на пользу

«ТЕМПЛ» «НАБЕРЕЖНАЯ» «ВЕСТМИНСТЕР» и снова и снова

На «Сент-Джеймском парке» заходит женщина, видит склоненную над книгой детскую головку, пухлые пальчики возят синим маркером по странице. Глаза у нее загораются, она уловила соль шутки, она жаждет взрослого разговора. Он поднимает голову + одаряет ее обворожительной улыбкой – пухлые щечки, блестящие черные глаза + молочные зубки. Он говорит: Я почти закончил 15-ю книгу!

Она говорит: Я ВИЖУ! Ты, наверное, очень много трудишься.

Еще раз изобразим милой тетеньке Ширли Темпл⁵². Л: Я только вчера начал!

Какой Очаровашка: Ну ты ПОДУМАЙ!

Очаровашка: Я сегодня прочел это и это и это и это, а вчера вот это и вот это и это и это и это и это! [пальчики листают страницы, разрисованные флуоресцентным розовым и оранжевым и синим и зеленым]

Какой: Какой ты молодец!

Молодец: Я прочел «Илиаду» и *De Amicitia* и три истории из «Калилы и Димны» + одну из «Тысячи и одной ночи» и про Моисея + тростник и про Иосифа и его Разноцветную Одежду⁵³, а теперь мне надо читать «Одиссею» и «Метаморфозы» 1–8 и всю «Калилу и Димну» и 30 из «Тысячи и одной ночи» а еще 1-ю книгу Самуила, а еще Книгу Ионы, а еще выучить кантилиацию, а еще 10 глав из «Алгебры по-простому».

⁵² Ширли Темпл (1928–2014) – американская актриса, наиболее известная по своим детским ролям 1930-х годов.

⁵³ Бытие 37: 3.

В Некотором Ошеломлении: Зачем тебе все это?

Сама Невинность: Мне Сибилла сказала.

В Шоке: Он же еще маленький этимология на пользу правописанию флективные языки очень конечно на пользу грамматике которую не преподают в школах но все же классика элемент старой системы образования способствует расслоению общества может лучше ему в футбол поиграть мне кажется вы совершаете ужасную ошибку.

Стандартный ответ.

«СЛОУН-СКВЕР» «ЮЖНЫЙ КЕНСИНГТОН»

Миновало четыре часа. Мы четыре раза проехали по Кольцевой. Дважды ходили в туалет; Л проскакал всю платформу «Мэншн-Хаус» на одной ножке, потом назад на другой; всякий раз мы выходили на «Тауэр-Хилл», чтобы соорудить рожу камере наблюдения + посмотреть на себя в горе телевизоров. Вернее, себя видишь в одном телевизоре. В других тебя нет – иногда в них пустой перрон, иногда в них из-за поворота приближается поезд. Наверное, это съемки других камер, дальше по перрону, но похожи они на кадры из других миров, миров, где встает солнце, а поезда катаются без тебя. Там есть детские коляски, но толкаешь их не ты, и дурные воспоминания там тоже водятся, но не ты от них уваливаешь.

2

99, 98, 97, 96

12 декабря 1992 года

Меня зовут Людо. Мне 5 лет и 267 дней. Осталось 99 дней до моего шестого дня рождения. Сегодня Сибилла дала мне эту тетрадку чтоб я писал потому что она говорит мне надо тренироваться а то у меня кошмарный почерк, а в школе мне не разрешат все время писать на компьютере. Я сказал что не знаю что писать а Сибилла сказала можно писать про то что мне нравится и тогда потом я буду знать что мне нравилось в детстве. Еще можно писать про интересные события чтобы потом я помнил какие события случались.

Мне нравятся полиномы но не нравится слово бином потому что оно неправильное. Я решил никогда его не говорить. Я всегда говорю правильное слово для полинома а остальные как хотят. Мое любимое греческое слово $\gamma\alpha\gamma\lambda\acute{\iota}\omicron\nu$ ⁵⁴ и сегодня мне больше ничего не нравится.

13 декабря 1992 года

Осталось 98 дней до моего дня рождения. Сегодня случилось интересное событие когда я взял на Кольцевую «Калилу и Димну» и кто-то спросил твой отец араб? Сибилла сказала с чего вы взяли. А он сказал это же арабский. Сибилла сказала Да. А потом сказала что тем не менее мой отец не араб. Я хотел спросить кто он но потом решил что не надо.

Я думаю мои любимые языки греческий арабский и иврит потому что у них есть двойственное число. В греческом лучше наклонения и времена в арабском и иврите лучше двойственные числа потому что там есть женское двойственное и мужское двойственное а в греческом только одно. Я спросил Сибиллу а бывают языки с тройственным числом и она сказала что о таких не слышала но она ведь не все языки на свете знает. Хорошо бы был язык с двойственным тройственным квадратичным квинтичным секстичным септичным октичным ноничным декаичным числом, это был бы тогда мой самый любимый язык.

На Кольцевой скучно, но я уже на 15:305 «Одиссеи». Осталось 9 книг.

14 декабря 1992 года

97 дней до дня рождения.

Сегодня было одно интересное событие когда мы поехали на подземке в одну сторону а потом в другую и женщина стала спорить с Сибиллой. Сибилла сказала возьмем к примеру двух человек которых сейчас сожгут на костре, А умирает за время t от сердечного приступа а Б сгорает до смерти за время $t + n$, мне кажется, неоспоримо, что жизнь Б была бы лучше если бы длилась на n минут меньше. Женщина сказала что по ее мнению это совсем другое дело а Сибилла сказала что по ее мнению это совершенно то же самое а женщина сказала что незачем так кричать. Сибилла сказала что она не кричит просто считает что это варварство заставлять людей умирать в течение периода $t + n$, и она сказала варварство так громко что все в поезде на нее обернулись!

Варварство происходит от греческого слова $\beta\acute{\alpha}\rho\beta\alpha\rho\omicron\varsigma$ которое значит негрек но по-английски оно значит совсем другое.

15 декабря 1992 года

96 дней до дня рождения.

⁵⁴ Опухоль (греч.).

Сегодня я читал «Одиссею» в подземке и зашел человек и сказал это хорошо что я начал так рано. Он сказал что начал учить иврит в три года а я сказал что знаю иврит и он спросил что я читал на иврите. Я сказал что читал про Моисея и тростник а он научил меня песенке:

У фараона дочка красавица была.
Младенца Моисея на берегу нашла.
Домой его взяла, мол, в реке нашелся он.
«Что-нибудь новенькое скажи», – хихикнул фараон.

Я спел три раза и он сказал чудесно и что религиозное образование надо начинать как можно раньше. Он спросил Сибиллу кто меня учит отец или я в школе или у раввина а Сибилла сказала что учит меня сама. Он сказал как жаль что не все еврейские матери так серьезно относятся к религиозному образованию. Сибилла сказала что учит меня только языку и он сказал конечно конечно. Я надеялся он спросит а его отец еврей но он не спросил. Когда он вышел из поезда я спросил Сибиллу а она сказала что не знает об этом речь не заходила но вообще-то вряд ли.

16 декабря 1992 года

95 дней до дня рождения.

Смешно, что, хотя я уже давно читаю в подземке «Одиссею», никто не спрашивает а его отец грек? Сегодня читал «Бабара», но никто не спросил а его отец француз?

Кстати о французском, сегодня в подземке случилось смешное событие. Женщина стала спорить с Сибиллой, которая сказала возьмем к примеру двух людей, которым вот-вот выпустят кишки в ритуальных целях. А умирает за время t от сердечного приступа, а Б умирает за время $t + n$ от того, что кто-то пырнул его каменным ножом в грудь и голыми руками вырвал еще живое сердце, мне кажется, неоспоримо, что жизнь Б отнюдь не стала лучше за лишние n минут с каменным ножом в груди, а женщина сказала *pas devant les enfants*⁵⁵. Я сказал *parlez-vous français*?⁵⁶ Женщина очень удивилась. Сибилла сказала вам приятнее продолжить дискуссию на бенгальском? Женщина сказала что-что? Сибилла сказала или может еще на каком языке, которого он не знает? Она сказала, что русский, венгерский, финский, баскский и исландский у нее почти никуда не годятся, но она, пожалуй, способна сказать что-нибудь на испанском, португальском, итальянском, немецком, шведском, датском или бенгальском. Я удивился, потому что не знал, что Сибилла их все знает. Но женщина, по-моему, их не знала. Я спросил Сибиллу, когда она меня научит этим языкам, и Сибилла сказала, что пускай я сначала выучу японский. Я спросил а мой отец француз, и Сибилла сказала нет.

17 декабря 1992 года

Сегодня опять катались на подземке. Я сначала читал 17 песнь «Одиссеи», а потом «Белый клык». По дороге домой я спросил Сибиллу, а мой отец русский, венгр, финн, баск, исландец, испанец, португалец, итальянец, немец, швед, датчанин или бенгалец? Она сказала Нет.

94 дня до дня рождения.

⁵⁵ Не при детях (*франц.*).

⁵⁶ Вы говорите по-французски? (*франц.*)

3

Мы никогда не выходим на «Набережной» и не едим в «Макдоналдсе»

и снова и снова и снова и снов

Л добрался до 17-й песни «Одиссеи». Это все так вредно. Сотни людей твердят чудесно замечательно слишком маленький какой гений. По-моему, для того, чтобы осилить простой факт «Ὀδυσσεύς – это Одиссей», не требуется сверхъестественного интеллекта, а если дальше ты осваиваешь 5000 похожих простых фактов, это лишь доказывает, что ты сверхъестественно упрям.

Короче говоря, дабы уравновесить тлетворное влияние Кольцевой, я раз в неделю смотрю с Л «Семь самураев». Но сегодня случилось страшное.

Женщина напротив увидела неоткрытую «Хрестоматию по японской каллиграфии» у меня на коленях и сказала Вы учите японский + я ответила Ну как бы.

Девять зеленых бутылок на стене торчали

Я сказала, что учу японский в основном для того, чтобы понимать «Семь самураев» Куросавы и еще (если когда-нибудь выпустят на видео) «Пять женщин Утамаро» Мидзогути⁵⁷, который я смотрела пять дней подряд, когда он шел в «Фениксе», и еще меня интересует текст «Цурэдзурэгуса»⁵⁸ одного буддийского монаха XIV века.

ДЕВЯТЬ ЗЕЛЕННЫХ БУТЫЛОК НА СТЕНЕ ТОРЧАЛИ

Она сказала Ой и сказала, что видела «Семь самураев», а этот другой фильм не видела и какое замечательное кино

Да, сказала я и она сказала Чутьочку затянут но какое замечательное кино, конечно, по сути совсем простенький, видимо, в том и прелесть, как «Три мушкетера», элитный отряд...

и я сказала ЧТО?

и она сказала Простите?

ЭЛИТНЫЙ ОТРЯД! огорошено повторила я и она сказала, что незачем кричать.

Потом ОДНУ БУТЫЛКУ кокнули случайно

И ВОСЕМЬ ЗЕЛЕННЫХ БУТЫЛОК на стене торчали

Я уже вообразила, как Л видит в этом фильме всякое такое, что вовсе не противоречит выбрасыванию живого человека из самолета по приказу третьего лица

ВОСЕМЬ ЗЕЛЕННЫХ БУТЫЛОК НА СТЕНЕ ТОРЧАЛИ

⁵⁷ «Пять женщин Утамаро» (歌麿をめぐる五人の女, 1946) – фильм японского режиссера Кэндзи Мидзогути с Миноскэ Бандо в главной роли, экранизация одноименного романа Кандзи Куниэды, художественной биографии гравера Китакавы Утамаро.

⁵⁸ «Сочинения о праздности» (徒然草, 1330–1332) – сборник сочинений монаха Йосиды Кэнко (ок. 1283 – ок. 1350), один из важнейших образчиков жанра дзуйхицу.

Я вежливо, но твердо сказала, мол, пересмотрев кино, она поймет, что самураи – никакой не элитный отряд. Режиссеры помельче, разумеется, поддались блеску элитарности отряда, и результаты вышли предсказуемыми; но Куросава не таков.

Она сказала, что вовсе незачем разговаривать с ней таким тоном

ВОСЕМЬ ЗЕЛЕННЫХ БУТЫЛОК НА СТЕНЕ ТОРЧАЛИ

+ я вежливо сказала По сути это фильм о ценности рационального мышления. Мы должны делать выводы из имеющихся фактов, а не из того, что нам кто-то напел, нельзя поддаваться собственной предвзятости. Мы должны стремиться сами увидеть то, что можно увидеть, а не то, что нам бы увидеть хотелось.

Она сказала Что?

Потом одну бутылку кокнули случайно

Я сказала И к тому же мы должны помнить, что внешность обманчива. У нас может и не быть всех релевантных данных. Иногда человеку лучше помереть, даже если он улыбается.

Она сказала Мне вообще-то не кажется

И СЕМЬ ЗЕЛЕННЫХ БУТЫЛОК НА СТЕНЕ ТОРЧАЛИ

Я сказала Например, А видит, как его жену Б заживо сжигают на протяжении времени t. А выживает. Позже мы видим, как А поет в ходе местной ритуальной службы. В, наблюдая за ритуалом, считает, что А справился. Мы приходим к заключению, что В не располагает фактами во всей полноте + поддался собственной предвзятости, поскольку

Она сказала Очень бесстрастно у вас получается

Я сказала Бесстрастно!

И ШЕСТЬ ЗЕЛЕННЫХ БУТЫЛОК НА СТЕНЕ ТОРЧАЛИ

Она сказала + это ведь довольно мрачно...

Я отметила, что если б ее бросили в аквариум с акулами-людоедами, она бы не сочла мрачными размышления о спасении из аквариума.

Ну мы же обе, если вдуматься, мы же обе считаем, что это замечательное кино, любезно сказала она.

Я боялась, она приведет еще какой-нибудь пример, но мне повезло: поезд остановился на «Мургейте», и она вышла.

ШЕСТЬ ЗЕЛЕННЫХ БУТЫЛОК НА СТЕНЕ ТОРЧАЛИ ШЕСТЬ ЗЕЛЕННЫХ БУТЫЛОК

[Могло быть хуже. Он мог бы петь про 100 пивных бутылок на стене, а не песню, в которой отсчет обратный и к тому же начинается с 10.]

* * *

277 градусов выше абсолютного нуля.

Я сказала Ну ладно, покатаемся опять по Кольцевой, и мы снова поспорили из-за Канлиффа.

Я: Слушай, ну нет смысла тащить словарь, если его некуда положить. Ты все равно не сможешь его листать, если он у тебя на коленях, а сверху книжка. Мы уже пробовали, и у нас не получилось.

Л: Пожалуйста

Я: Нет

Л: Пожалуйста

Я: Нет

Л: Пожалуйста

Я: Нет

Л: Пожалуйста

Я: Нет

Идеально было бы пойти туда, где есть столы, в «Барбикан» или в «Саутбэнк»⁵⁹, но по пути на каждом углу натыкаешься на бары и кафе и рестораны и мороженщиков, и все продают дорогую аппетитную еду, которую Л хочет + мы не можем себе позволить.

Пожалуйста Нет Пожалуйста Нет Пожалуйста

Я представила еще один такой же день, как предыдущие 17, по 10 часов чудесно замечательно слишком маленький какой гений; представила еще один такой же день, как вчера, опять чудесно замечательно слишком маленький какой гений плюс ахиня про элитный отряд, не говоря уж о 10 часах разъяснений каждого слова / посещении туалета, куда не пролезает коляска / добродушных улыбочек под 273 куплета (10 + 0 + -262) песни про зеленые бутылки. Можно ли уверенно утверждать, что он не начнет сегодня с -263, а точнее, может ли человек, знающий этого ребенка, твердо это гарантировать? Нет.

⁵⁹ «Барбикан» (*The Barbican Centre*, с 1982) – концертно-выставочный центр в лондонском Сити, один из крупнейших в Европе; «Саутбэнк» (*Southbank Centre*, с 1951) – крупнейший европейский концертно-выставочный центр на южном берегу Темзы, между мостом Ватерлоо и зданием Совета Большого Лондона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.